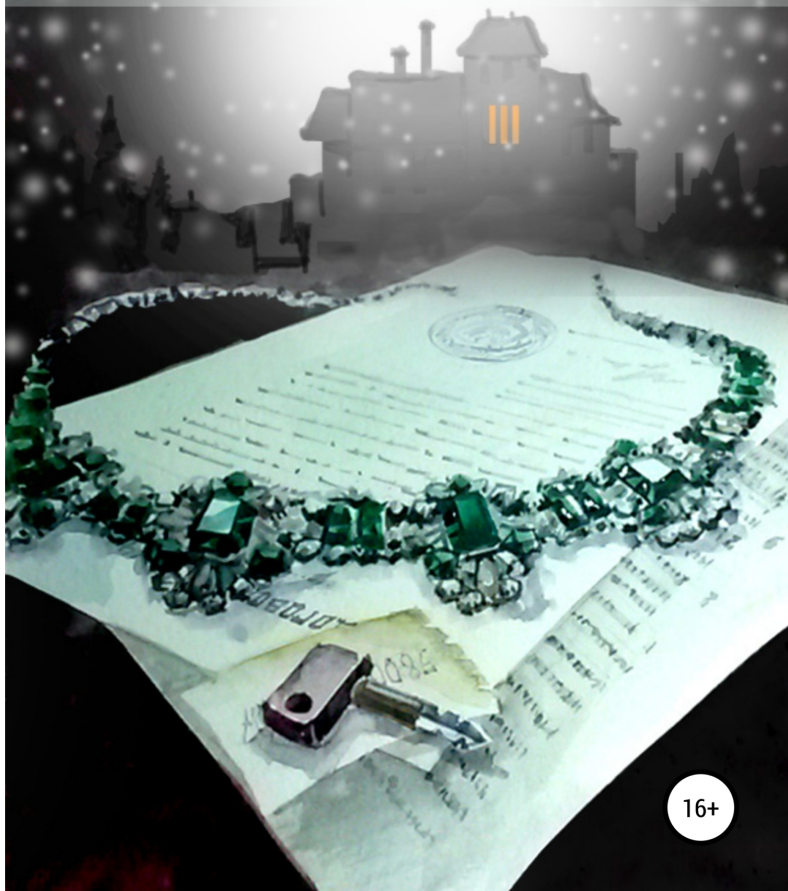

Алиса Антонова

Тде же Лизонька?

16+

Алиса Антонова

Где же Лизонька?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56531188

SelfPub; 2024

Аннотация

Поздний зимний вечер. Темно. Густой снегопад. Совсем уже немолодая дама, усталая после напряженного рабочего дня и долгой дороги домой, гуляет с собакой на окраине старинного парка. Вдруг в стороне от тропинки, за кустом она замечает засыпаемое снегом безжизненное тело молодой женщины. В тот же миг из темноты парка слышатся приближающиеся мужские голоса. Оцепенев от страха, она прячется и видит, как неизвестные уносят тело. Густой снег быстро засыпает все следы. Полиция отказывается возбуждать дело за недостатком улик. Надо бы найти какие-нибудь доказательства произошедшего, чтобы убедить полицию открыть дело, но ей не нужны приключения! Она пожилая, усталая дама! Что же ей делать? Забыть увиденное? Но засыпаемое снегом тело все время стоит перед глазами...

Содержание

Привет	4
Коты	9
Ужин	12
Гулять!	13
Приключение на свою голову	20
Друзья	28
«Совет в Филях»	35
В полиции	40
Ненужная встреча	48
Мёдуши	54
Усадьба	77
Хозяин	89
Продолжение приключения	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Алиса Антонова

Где же Лизонька?

Привет

Меня зовут Алиса. И мне уже «несколько за пятьдесят». Я все время чувствую какую-то нестыковку в этих двух фактах. В моем представлении человек, носящий имя Алиса, – это существо всенепременно молодое и яркое; а если тебе «несколько за пятьдесят», то к этому имени должно еще что-то прилагаться, чтобы оно не вызывало недоумения, например – фамилия Фрейндлих, фамилия блистательной актрисы. И тогда уже все равно и когда ты родилась, и как выглядишь. На ближайшую обозримую вечность яркость и молодость подаются в комплекте с именем. Увы – мне это уже не грозит.

В один прекрасный момент периода «несколько за пятьдесят» начинаешь понимать, что ничего уже не стоит начинать, а то, что уже начато, можно ведь и не успеть закончить, чтобы порадоваться сделанному. Как-то уже не ощущается будущее, не строятся планы, а если уж и приходится их строить, то с оговоркой: если успею...

Если посмотреть на себя со стороны, то у меня все прекрасно: есть хороший дом, хорошо оплачиваемая работа,

умница дочь, две маленькие внучки; еще, слава Богу, жива мама; замечательные друзья, сад с розами, кошки, которые настаивали, что они должны жить именно у меня, и чудный бежевый лабрадор Мартин – подарок друзей, единственное зверье в доме, попавшее ко мне в некоторой степени официально... Что еще надо, чтобы встретить старость!

Но – дом не достроен, перманентный ремонт забирает все деньги моей зарплаты и все остатки нервов, дочь живет далеко и с внучками приезжает редко, на мне одной забота о саде, животных, машине... Дочь живет своей жизнью и не очень-то интересуется моими заботами... Хотя иногда делает вид. Работа вроде как раз по мне... но эту работу я получила всего три года назад, а надо бы лет на пятнадцать раньше, когда был жив муж и я еще чего-то хотела от работы, кроме денег... Одиночество, постоянное перенапряжение, куча решений, которые я должна принимать, ежедневно и еже часно, – а решать уже ничего не хочется! Переусталость, постоянная слабость, головная боль, тоска... «И ску..., и гру..., и некому ру...»

Уныние, мерзкая плаксивая жалость к себе накатываются обычно по дороге с работы. В остальное время мой мозг занят. Я еду домой, и это не лучшее настроение за рулем! Опять надо как-то выбираться... И ведь я все прекрасно понимаю и даже учу других. Учю, что счастье – это штука, которая живет внутри! Всегда! Оно бесценным даром вверяется каждому просто по праву рождения, выдается в безмер-

ных объемах, раскрывается многообразием чувств – радости, участия, любви к родным, к дому, к запахам, к лету, к снегу, к маме...

Густые кипы зелени деревьев в парке на фоне упавшего темно-голубого неба, птицы, теплый тугой ветер весны – можно было захлебнуться... Ощущение полной гармонии мира! Огромные крылья за спиной. Полеты во сне. Весь этот дивный дар дается нам при рождении...

А потом тебя обижают, и ты обижаешься. Потом что-то недодали, недопоняли, не погладили или погладили против. А, главное, додали, допоняли, погладили кого-то другого – пусть даже правильно и вовремя! А мы заметили – зацепило; погрустнели, занесчастлились, внутри завелась гадость – и шагреновая кожа счастья начала скукоживаться, морщиться, уменьшаться каждый раз, когда ощущаешь себя несчастным, обделенным, обиженным, иногда даже просто безрадостно уставшим.

Что-то пошло не так – слышен хруст сжимающегося счастья. Обидели – еще хруст... А вроде как по делу обиделся... А скоро уже и не слышно. И даже радость новой весны, прозрачности моря, густоты неба – всё это скорее ощущения по памяти! Из прошлого... Они не сбивают с ног, так – констатация факта... Просто приятный релакс. Ненадолго.

И большинство из нас подходит к возрасту «за» с таким маленьким клочком этого счастья, что его уже и не найти в куче накопленного расстройств, усталости, груза ответ-

ственности всякого рода, жалости к себе, а то и вообще откровенной гадости!

Но оно ведь есть, оно никуда не исчезает совсем! Просто закопано, запылено, усохло! Его надо вытащить, постирать, встряхнуть, заполнить ветром и солнцем... Только вот я не знаю, как это делается.

Темнота, снег усиливается, легкий мороз, потоки реактивной жижи на дороге. Мимо проносятся джигиты на небюджетных автомобилях, обдавая машину тучами темных брызг. Деловито елозят дворники в попытке расчистить постоянно окатываемое грязью стекло. «И ску..., и гру..., и некому ру...»

Наконец, подъезжаю к дому, ставлю мою Сандеру, обываемую «Санькой», в гараж, вхожу в дом, и... – тридцать килограммов отчаянного, захлебывающегося, визжащего лабрадорского счастья окатывают меня с головы до ног! Лобастая голова бодается и ласкает, глаза ищут глаза, лижут руки и все, что можно достать открытого, хвост вообще скоро оторвется, если там, конечно, мозоль не выросла... Надо проверить! Обнимаю Мартина, пытаюсь успокоить... Я с тобой! С тобой! Позади его вихляющегося зада, кругами, задрав трубой хвосты, ходят коты, вернее, один кот и две кошки... Кот, именуемый Стэнли Кубрик, начинает самозабвенно драть половик, кошки – Маша и Чуня – урчат как холодильники, фланируют, изгибаются и кокетничают как чувствительные гимназистки позапрошлого века... Мартин ле-

зет обниматься, сердце у него так стучит, что я каждый раз напоминаю себе спросить у ветеринара, сколько радости оно может выдержать.

«Только собаки умеют быть счастливыми» – грустно всплывает томная мысль.

– Мэ-э-а-а-у! – басом вопит Кубрик.

«И коты!»

КОТЫ

У меня три «как бы моих» кота. И еще два – «как бы не моих». Статус отличается только тем, что «мои» могут гулять по всему дому. «Не моим» перемещение ограничено. Они как бы на пансионе, с медицинской страховкой и уборкой. Впрочем, остальные тоже – только апартаменты попросторней.

Кроме кошечки Чуни, которую я подобрала в луже слепым котенком по собственной инициативе, остальные пришли сами и оч-чень настаивали, что они мои и должны здесь жить. Я честно отбивалась, а они начинали болеть, страдать, беря меня измором. Взяли...

Из «не моих» – совершенно дикая кошечка Ляля и кот Кузя. Ляля живет в гараже, безумно обожает кота Кубрика, который отсылается в гараж каждую ночь – спать. Не подумайте чего неприличного – все кошастые стерилизованы, – он отправляется спать в гараж, чтобы могла спать я! В противном случае ранним утром он начнет громко орать, требуя завтрака и внимания. Вместе с Лялей они смотрятся необычайно импозантно. Стэнли Кубрик – черно-белый, толстый, очень меховой, нахальный; и кошка Ляля – изящная, нежная, очень пугливая, гладкая и также черно-белая. Она вокруг него лебедушкой плавает, изгибается, урчит, интересуется – а он в лучшем случае профланирует мимо к миске,

а то и оплеуху ей вкатит лапой; она, бедная, отойдет в сторонку и глядит на него преданными глазами. Иногда, правда, дождется и ласки с его стороны – лизания головы между ушами... Дивная пара!

Гараж находится в доме, зимой достаточно тепло, но я все-таки кладу маленькое электрическое одеялко в качестве подстилки для Ляли. Как правило, Кубрик его не занимает: он толстый, меховой, ему и так жарко.

«Не мой» Кузя – имеет доступ в котельную и прилегающую комнатку – пришел от соседей, где тоже был «не свой», а так – на постое. А потом соседи завели собаку, которая ненавидит котов. Ему пришлось уйти. Ошивался в соседних дворах, я его тоже подкармливала. В округе только частные дома, подвалов в открытом доступе – прибежища городских кошек – нет; и однажды, поздним вечером, в мороз, в свете уличного фонаря я увидела, как под елкой он зарывается на ночь в снег от холода... А что бы вы сделали?

Чуня – самая миниатюрная и самая старшая. Я ее подобрала почти сразу после смерти мужа. Уже прошло сорок лет...

Красавица и умница Маша – в предках были персы, она удивительно красивой раскраски: рыжее, белое и дымчато-серое. Морда ровно посередине прямой линией разделена на рыжую и дымчатую часть. Пришла беременная, исхудавшая до того, что слово «гладить» не соответствовало действию: рука переваливала по буграм хребта. Таких не броса-

ют... Пристроили котят, стерилизовали... Так и живет.

Сейчас «мое» зверье уже уселось повыше на лестнице и осуждающе смотрит на меня сверху вниз, наблюдая за моими передвижениями по прихожей. Наконец, процесс прихода с работы – переодевание, мытье рук и другие сопутствующие действия – закончен.

– Ну, гаврики, ужинать! – взываю я.

Раз! – и небольшое стадо котов, преследуемое одной большой собакой, мгновенно взлетает на второй этаж, на кухню – ужинать!

Ужин

Банка с кормом из курицы – на троих, на трех разных тарелках, – котам. Мартину и мне – каша. Мне с молоком, Мартину с курицей. Надо успеть съесть, пока Кубрик не опустошил свою миску и не пришел клянчить добавки ко мне или к Мартину.

Вид занятых делом, лопающих котов, тремя радиусами торчащих из одного центра с площадками, – живописнейшая умиротворяющая картина.

Первым получает еду Кубрик, потом – кисям. Мартин в это время терпеливо ждет и с презрением высокомерно наблюдает за тем, как поглощают пищу эти мелкие недоразумения, недостойные внимания хозяйки.

Наконец, приходит и его очередь, и ужин в тесном кругу моей семьи в полном разгаре.

Несколько минут проходят в урчании, чавканье и, ближе к завершению, подсматривании искоса друг на друга: а вдруг у кого-то что-то еще осталось.

Следующий номер нашей программы: коты – вылизывание, я – допиваю чай, Мартин – сидит у моих ног с поводком в зубах, пытаюсь заглянуть в глаза: гулять?

Гулять!

Гулять мне очень не хочется: сил нет совершенно, руки и ноги налились тяжестью, плечи трудно распрямить. Завтра опять в путь на Васильевский – разговоры, совещания, попытки убедить взрослых и умных людей, что есть другие способы выполнить их работу, позволяющие сохранить время и получить ббольшую отдачу. Но для них это не главное, они много лет делали свое дело вполне успешно, зачем им слушать какие-то доводы заезжего молодца, вернее, престарелой молодежи, мало понимающей предметную область и требующей от них исполнения каких-то процессуальных правил, совершенно очевидно снижающих их собственную незаменимость...

Можно, конечно, выпустить Мартина побегать по участку – но в последнее время я уж слишком часто этим от него отделяюсь.

Я должна ему уже не менее пяти прогулок за последнюю пару недель, причем две – за последние два дня подряд; очень стыдно! Душа скукоживается, когда отказываешь глядящей тебе в глаза чистейшей преданности. Хоть сил и нет совсем, но любовь все-таки определяется действием.

Я с трудом подняла себя с кресла – Мартин с надеждой заглянул в глаза. Заставила себя спуститься на первый этаж – Мартин помчался за мной, уже повизгивая, перегоняя и

пытаясь поймать взгляд. Когда я начала одеваться, он уже не скрывал своего восторга – бросил поводок и крутился вокруг, вскакивая, приседая снова, не в силах поверить, что прогулка все-таки состоится.

Наконец, самое чудесное слово в мире произнесено: «Гулять!» Только владельцы собак знают, что происходит в собачьих душах в этот момент.

Мы вышли на улицу, и я ахнула! Снег усилился необыкновенно, превратив окружающее пространство в чудесный цветущий белый сад. Когда идет такой снег, мир сужается. Сад, улица, лес – все становится уютным, домашним и необыкновенно чистым. Ветер стих, и снег падал почти вертикально. Он падал ниоткуда, образовывался из темноты упавшего неба, именно с той высоты, которую позволял достать взгляд. Несколько минут я стояла, задрав голову, и не могла оторваться, наблюдая это чудо возникновения снега, замороженная фантастическим и немного жутковатым в своей нереальности зрелищем. Снеговые шапки на елях и соснах объединяли по несколько хвойных лап в одну, превращая деревья в снежные бонсаи. Четкой белой графикой снег подсветил ажур крон деревьев. На каждой плашке длинного забора сидела белая шапочка: абсолютно одинаковые, они превратили забор в идеальный строй солдатиков. Столбы фонарей с заполненными снегопадом конусами света казались душевыми стойками, которые изливали снег. Стойки равномерно распределились по всей улице, и хотелось встать под

каждую, как под снежный душ. А может, это настольные лампы около постели, которой стала сама улица, – таким милым и мягким был падающий снежный свет.

Снег валил и валил, укутывая мир красотой и радостью, смягчая печаль и боль усталости. Хотелось всего и сразу. и по-девчачьи кружиться и путаться в этих снежных занавесах, и не шевелиться, боясь спугнуть чудесную птицу, которая летала вокруг на снежных крыльях.

Как вспоминается зима летом? Грязь, длительность и однообразие. Целых полгода, а то и дольше, изменения в природе выражаются только сменой большего температурного минуса на меньший или совсем до оттепели, побольше снега – поменьше снега. Я бы, не задумываясь, променяла наш климат на какой-нибудь более теплый и благодатный. Средиземноморский – подошел бы... Надо только перетащить туда мой город. Хотя это уже будет не Питер. Или не мой...

Но вот в такие дни моя абсолютная нелюбовь к зиме становится куда менее абсолютной...

Снег толстым одеялом лежал на дороге, но он был легкий, воздушный; идти было весело – и мы двинулись по дороге к парку.

*

Мой дом находится в бывшей деревне, давно поглощенной городом, но во многом так и оставшейся деревней – предместьем большого города с частными домами. Узкие улочки, отсутствие тротуаров, ливневые канавы вдоль улиц.

Домики в основном старые, хотя многие уже подновлены – или проданы, и на их месте уже обосновались современные коттеджи. Сады, огороды, парники, цепные собаки. Скотинку, правда, уже не держат, но куры и кролики еще встречаются; и часто, когда сон плохой и беспокойный, крики петухов окончательно избавляют меня от этого беспокойства. И, конечно, соловьи весной!

Наша деревня – это несколько улиц, идущих с востока на запад параллельно пригородной железной дороге с ее южной стороны и протянувшихся от одной железнодорожной станции до другой. Первая станция, та, которая ближе к городу, – это уже почти город. Большие дома и магазины. От нее отходит шоссе к югу на кольцевую и через нее дальше в настоящие деревни.

Вторая – даже не станция: две платформы с южной и северной стороны железнодорожных путей – была в свое время создана исключительно для студентов и преподавателей университета, который лет сорок назад своими естественными факультетами расположился в полутора километрах к югу от нее. Такой она и осталась. Какого-либо жилья там нет, только наши улицы своими окончаниями подходят достаточно близко к концу южной платформы.

Вдоль северной платформы для поездов из города, всего метрах в семи от нее, оставляя место только пешеходной тропинке и зарослям кустов, вздымается стена леса, вернее, лесопарка. Это бывшая усадьба Лейхтенбергских. В глубине

обширного парка стоит великолепный особняк, а парк, огибая его, спускается дальше в сторону залива.

С другой стороны железнодорожных путей – вдоль платформы для поездов в город – тоже лес. И от дальнего конца этой платформы отходит в сторону дорога с давно разбитым асфальтом, по которой не ходят автомобили, разве что если надо кого-то подвезти или встретить. По ней к началу занятий с приходом электрички спешат толпы студентов и сотрудников университета.

Между двумя железнодорожными станциями всего километра два. Мой дом стоит на середине второй улицы от железнодорожной ветки. Зимой, когда нет листвы, из окна дома видны проходящие электрички. В темноте это завораживающее зрелище. Сверкающая лента поезда быстро проскользывает среди заснеженных деревьев и скрывается из виду, мерцая огоньками последнего вагона. Мне нравится смотреть на этих светящихся змей. И хотя я и сама частенько езжу в этих же поездах, когда я гляжу на них из окна, мне кажется, что это отсвет какой-то другой, незнакомой и непременно чудесной жизни.

*

Мы с Мартином немного не дошли до южной платформы, пересекли железнодорожные пути, и почти сразу нас втянул лес. Место глуховатое, особенно зимними вечерами. В будни в это время мы обычно сюда не ходим, – жутковато; но красота вечера и чувство вины перед псом придали мне смелости.

сти для прогулки в парке около платформы, где совершенно безлюдно в этот час. Хотя падающий снег немного высветлял пространство, было темно... и все-таки слегка жутковато. Наличие крупной собаки не очень-то прибавляло мне мужества. Мартин удивительно добродушный и приветливый пес, и я не помню за три года нашего совместного существования, чтобы он облаял хотя бы одного человека. По-моему, в его представлении все, кто ходит на двух лапах, милейшие существа и всенепременно или друзья, или должны стать таковыми. Из-за этого я мало верю в его функции защитника. Мне кажется, что, если вдруг, не дай Бог, кто-то попытается напасть на меня, тьфу-тьфу, Мартин просто остолбенеет от удивления происходящим – если вообще поймет, что происходит.

Поэтому наше сегодняшнее гулянье, хотя и совсем близкое к светящейся огнями платформе: глубже пары десятков шагов я не захожу, – мой настоящий подвиг ради Мартина, который безумно любит лес в любое время дня и ночи. Он с самым полным восторгом, на который только способна его молодая жизнь, мотался вправо и влево от тропинки, что-то рыл, почти закапываясь в снег, за кем-то гонялся в ночи, ловил снежинки, терялся из виду и вдруг возникал прямо передо мной с какой-то дубиной в пасти, предлагая мне закинуть ее подальше. Я закидывала, и он мчался за ней... но нередко возвращался совсем с другой дубиной.

Наконец, я решила, что совесть моя чиста и пора возвра-

щаться. Я кликнула Мартина и обернулась убедиться, что он бежит за мной. Он стоял на тропинке с палкой в зубах и печально глядел на меня.

– Мартин, мне на работу завтра, давай скорее, – сделала я «строгий» голос. – Завтра пятница, скоро выходные. Вот в выходной придем днем и нагуляешься. В лесу по ночам только волки ходят и разбойники. Ты хочешь попасть к разбойникам? Я – нет! Ты же у меня еще тот защитник! Так что давай быстро за мной, и не будем искать приключений на свою голову.

И я развернулась по тропинке обратно к огням.

Приключение на свою голову

На выходе из парка Мартин догнал меня, но тут же отскочил в сторону и исчез за густым кустом, который рос в нескольких метрах от тропинки. Вдруг я услышала повизгивание пса, доносившееся из-за куста. Я, всеми силами стремясь домой, уже раздражаясь, приказала Мартину вернуться. Но пес не реагировал и продолжал тихонько поскуливать.

– И не надейся, я не пойду за тобой, там снег глубокий. Пошли уж скорей! – почти умоляла я. Бесполезно. Противный пес возился за кустом и не собирался выходить.

Обреченно вздохнув, я сошла с протоптанной тропинки и полезла к кусту, проваливаясь по колено в снег. Вдруг, не дойдя всего пары шагов, я увидела ногу лежащего человека...

Это была стройная женская ножка в тонком чулке и в лакированной туфле на высоком тонком каблуке. Это было все, что я могла разглядеть с моего места; остальное тело скрывалось за кустом. Еще был виден край шубки, прикрывающей колено до середины. Я застыла в ошеломлении, наблюдая, как снег ложится на ногу и не тает. Мартин выскочил из-за куста и, поскуливая, прижался ко мне. Я ощутила нечто похожее на ужас, еще не успев осознать происходящее. Когда ко мне вернулась способность соображать, то первое, что пришло в голову, – позвонить в полицию. Потом я подума-

ла, что женщина мертва, убита, причем недавно – снег не успел запорошить тело; и убийца, возможно, где-то рядом и может услышать, как я вызываю полицию. Но тут меня посетила третья мысль, на редкость дубовая: «А вдруг человек просто упал; лазил по глубокому снегу в туфлях и свалился». То, что это бред, я диагностировала сразу; но он помог мне встряхнуться, и я уже собралась было пролезть немного дальше, как вдруг из парка донеслись низкие мужские голоса. Похоже, по тропе, приближаясь к выходу из парка, шли какие-то люди.

«Убийцы!» – мелькнуло в голове. И вот тут я поняла, что такое настоящий ужас. Такой можно испытывать только в детстве или во сне. Сознание полностью отключилось, сердце сжалось в тугой комок...

Сорвавшись с места, я даже не заметила, как очутилась за железной дорогой и нырнула в снег за железнодорожной насыпью. Хотя я пробежала совсем немного, у меня потемнело в глазах и я совершенно запыхалась. Все-таки «несколько за пятьдесят»... Главное, что сработала интуиция и я не помчалась дальше на открытое пространство. В этом случае выходящие из леса люди меня бы непременно заметили, несмотря на белые куртку и шапку, а убежать не хватило бы сил. У меня не было даже тени сомнения в том, что эти люди представляют опасность. Позже, обдумывая происшедшее, я поняла, что подсознательно опасалась стать *свидетелем*, которых, как известно, не оставляют. Но где же Мартин?! Убе-

гая, охваченная ужасом, я побоялась позвать его, чтобы не привлечь внимания. Ох, слава Богу, он лежал рядом в снегу, виляя хвостом и радуясь, что с ним побегали, наконец. Мне было очень страшно, но способность воспринимать происходящее восстановилась. Тяжело дыша, я осторожно осмотрелась и попыталась высунуться из-за насыпи и посмотреть на другую сторону железнодорожного полотна. Насыпь довольно высокая, да еще на ее склоне заросли кустов, поэтому, чтобы что-то увидеть, мне пришлось встать на колени и, раздвигая ветки, осторожно высунуться.

– Закрой лапой нос и лежи тихо, – приказала я Мартину.

Сбежала я вовремя: как раз в эту минуту на освещенную часть тропы вышли два человека. Я разглядела двоих мужчин в черных куртках и черных круглых вязаных, с виду одинаковых шапках. Впрочем, с моего расстояния, сквозь пелену густого снега, в боковом свете недалекой платформы, все цвета были черными и вся одежда одинаковой. Они о чем-то переговаривались, но густой снег приглушал звуки, и, несмотря на тишину, я не могла разобрать ни слова.

Все, о чем я могла думать, это как остаться незамеченной и при малейшей возможности убежать в сторону дома. Мне бы только добраться до начала улицы, которая была хорошо освещена.

Тем временем те двое, не задерживаясь ни на секунду, сошли с тропинки в глубокий снег и проделали необходимые несколько шагов по направлению к телу. Я заметила, что

один был крупнее, выше другого и шире в плечах. Он скрылся за кустом и исчез из моего поля зрения, но тут же появился, неся женщину на руках. С помощью напарника он переложил тело себе на плечо и понес, как куль. Я смогла увидеть свисающие длинные темные волосы и руки без перчаток.

Мужчина добрался до дорожки, идущей между платформой и лесом, и направился по ней к дальнему концу платформы. Вдруг он остановился и осмотрелся – я нырнула в снег. Потом послышался окрик, в котором я разобрала слова: «Посмотри там... Сумку ищи». Тот, который поменьше, некоторое время что-то высматривал вокруг куста, потом, крикнув первому: «Есть!» – догнал его, неся в руках, насколько я могла разобрать, небольшую женскую сумку или предмет, похожий на женскую сумку. Через пару секунд они скрылись за платформой.

Скорее всего, они дошли по дорожке до ее конца, пересекли железнодорожные пути и вышли на начало дороги к университету. Похоже, там была припаркована машина, потому что я услышала звук заведенного двигателя, и через некоторое время все стихло.

Я откинулась на спину и боялась встать: а вдруг убийцы не уехали и зачем-то вернуться. Почему-то я была уверена, что это убийцы, а женщина, которую они унесли, – жертва. Но зачем им тогда ее уносить? Резонный вопрос. Спрятать? Закрыть? А может, она вовсе не жертва, и вообще не мертва. Но вот в это мне верилось мало. Перед глазами стояла картина

стройной женской ноги в тонком чулке, на которой лежал и не таял снег. Нет, я явно начиталась детективов и мне все это померещилось! Да еще усталость, тревожные мысли... Мало ли что привидится...

Издалека послышался звук подходящей электрички. Я обрадовалась. Звук возвратил меня к действительности, и страх стал понемногу уходить. Я решила дожидаться людей, которые сойдут на станции и пойдут в мою сторону, чтобы с ними вместе дойти до нашей улицы. Тогда страх развеется окончательно.

Из электрички никто не вышел... Я с трудом поднялась и почему-то направилась обратно, в сторону куста, чтобы убедиться в реальности случившегося. Обойдя его, я посмотрела на место, где лежало тело. След от него еще был виден, но совершенно ясно, что уже через час он полностью исчезнет под снегом. Я осмотрела все вокруг: ничего нет, только снег. В любом случае ничего толком не разобрать: света с платформы явно недостаточно. Даже если какие-то предметы и остались лежать вокруг места, где было тело, все уже занесло снегом. Мартин ходил вокруг меня, обнюхивая и снежную вмятину, и сам куст. Вдруг он, поскуливая, попытался залезть мордой прямо внутрь куста. Я присмотрелась и увидела небольшой предмет, застрявший между ветками. Им оказалась небольшая книжка, похожая на записную. Там же, в середине куста, на ветке висел маленький карандашик на оборванной цепочке золотистого цвета. Я сунула книжку с

карандашиком в карман, мы с Мартином развернулись и поспешили к дому.

Через пару минут мы уже были на нашей освещенной улице. Снег продолжал идти, но, казалось, природа не одобрила происшедшего, чуждого той красоте, которую она подарила, и погода начала меняться. Поднялся ветер, сметая кружево с крон; снег стал колючим, легкий мороз ослабевал все больше, – проступало предчувствие оттепели.

«На дорогах будет кошмар завтра», – уныло подумала я.

Дома я еле добралась до постели и, несмотря на изрядную порцию полученного перевозбуждения, уснула как убитая, чего со мной давно не случалось.

Утром в суете сборов яркость происшествия стерлась, но было ощущение другого состояния жизни: фоном все время проступала картина стройной женской ножки в лакированной вечерней туфле, и я совершенно не знала, что с этим делать.

Двигаясь в плотном утреннем потоке машин, я продолжала размышлять, стóит ли нанести визит в полицию: ведь ни одного факта! Кроме рассказа о моем вечернем приключении, мне принести нечего. Записная книжка, которую я нашла и успела мельком просмотреть, была совершенно новой и совершенно пустой. Ни одной записи, надписи, подписи и всего прочего, именуемого словами с этим корнем. Более того, как часто бывает у новых книг, красивая кожаная обложка была продублирована легкой бумажной, которая со-

всем размокла от снега: я не прикасалась к предмету голыми руками, но у меня были большие сомнения, что какие-либо другие отпечатки пальцев могли сохраниться на вымокшей бумаге.

Но, надо признаться, была еще одна причина, по которой я убеждала себя в бесполезности этого визита: я очень боялась. Я прекрасно помнила охвативший меня ужас, а любой публичный рассказ о моем приключении открывал меня как свидетеля. «Знают два, знает свинья», – вспомнила я. Я живу одна в большом доме, на довольно глухой улице. Сигнализации у меня нет. Поэтому я очень боялась даже намекнуть кому-нибудь, что стала свидетелем преступления и видела преступников... И хотя я ничего толком не поняла и даже опознать бы никого не смогла – но попробуйте расскажите это тем двоим! Сильно сомневаюсь, что им это понравится и что они оставят этого самого свидетеля, да и саму ситуацию, на произвол судьбы. Короче, страх прочно укоренился во мне.

Но, понятно, оставлять этого тоже нельзя. Я искала способы сообщить об увиденном. Можно написать анонимное письмо в полицию с описанием события вчерашнего вечера – но это будет еще более бесполезно, чем визит. Можно поговорить по телефону, не называя себя и объяснив почему. Это пока мне нравилось больше всего. Но здесь есть опасность попасть на какого-нибудь недобросовестного или, напротив, особенно добросовестного дежурного, который не соединит

анонима со следователем. И вообще телефон в наше время прослушать ничего не стоит, если кто-то задастся этой целью.

В общем, я не знала, что делать. А если не знаешь, что делать, надо у кого-нибудь спросить.

Я решила поговорить с друзьями.

Друзья

У меня есть друзья! Я не знаю в точности, что означает это слово: «друзья». Когда его употребляют в разговорах другие люди, мне не всегда кажется, что его можно применить к моим друзьям.

Мои – это несколько семейных пар, с которыми мы связаны многими годами жизни. Мы не очень часто звоним друг другу, еще реже видимся. Я даже периодически забываю поздравить их с праздниками и днями рождения. Потом звоню, извиняюсь, стараясь посмешнее выставить себя в этой ситуации. И они смеются вместе со мной, прощают мне не только это, но и мою взбалмошность, возбудимость, мои жалобы, слезы, забывчивость – и много еще всего, за что меня приходится прощать! Мне с ними всегда есть о чем поговорить, и говорится легко. Можно поразмышлять о жизни и посоветовать на нее, поплакаться на беды и печали. Теперь, когда мужа больше нет, это – мои тылы, и я стараюсь не беспокоить их слишком часто своими проблемами.

Когда я остро нуждаюсь в них – они рядом. Мои друзья не пойдут за меня в огонь и в воду, не предадут свои семьи, не разорятся ради меня, не отрежут себе руку. Но всегда подставят плечо. Они мои психологи, кредиторы и советчики. Они знают всю мою жизнь, все мои беды, грехи, радости и успехи. Они вплетены в канву моей жизни. Они любят и жа-

леют меня. Сами они в меньшей степени дают повод жалеть себя по двум причинам. Во-первых, все они мудрее меня по жизни и умеют воспринимать ее более философски, чем удастся мне. Во-вторых, никто из них не одинок. Все они пары. И все удачные. Одна из них – это Вера и Сергей.

С Верочкой Голубевой мы познакомились на первом курсе на картошке, куда отправляли на целый месяц весь набранный поток студентов. Я, родившаяся в ближайшем пригороде Питера – тогда Ленинграда, всю жизнь просидевшая за уроками и любимыми книжками, почти незнакомая с подростковой тусовочной жизнью, чувствовала себя жуткой провинциалкой в окружении «продвинутых», не закомплексованных ровесников. Кровать Верочки была как раз напротив моей, когда мы жили в бараке на картошке. Увидев ее в первый раз, я была совершенно очарована. Невысокая, изящная, очень красивая, женственная и, главное, совершенно необычная девочка. Единственная дочь очень высокопоставленных родителей, которую привозили в совхоз на машине, всегда изумительно одетая, из поездок домой привозившая множество предметов, улучшающих комфорт нашей барачной жизни. При этом у нее не было ни тени явного высокомерия: дружелюбная ко всем, она очаровала меня. Я смотрела на эту представительницу советской золотой молодежи как на отсвет какого-то другого мира, который был настолько далек, что даже не манил...

Она жила в районе города, который был ближе всего к это-

му пригородному совхозу, поэтому на выходные она отправлялась домой и несколько раз приглашала меня вымыться и переночевать.

Я впервые увидела финскую мебель и сантехнику, японскую посуду в ежедневном обиходе. Поразилась, как, оказывается, все это удобно, продуманно, как облегчается повседневность. Причем было видно, что никакого фетиша из этого не делается. Просто родители имели к этому доступ, могли себе это позволить и получали от этого удовольствие. Ложась спать, она подошла ко мне в шелковой умопомрачительной ночной рубашке с двумя флаконами духов с вопросом: «Чем душиться будем на ночь?»

Французские духи я даже никогда не видела. А то, что на ночь можно тратить духи, да еще французские, было выше моего понимания.

Мы были в разных группах и на разных потоках, поэтому совсем не общались в институте и, встречаясь в коридорах, просто здоровались.

Мне всегда было приятно смотреть на нее. Она очень красиво и необычно одевалась, и это делало ее заметной в любой толпе. Высокая кичка, накрученная из темных блестящих волос прямо на макушке, глаза такого же цвета, всегда широко раскрытые, как будто в удивлении.

Все ее платица, юбочки и кофточки были настолько милы и привлекательны, настолько ей шли и выделялись на общем фоне, что сразу притягивали взгляд. Я до сих пор пом-

ню ее вязаное, плотно облегавшее ее очень женственную фигурку коричневое платье, на котором были вывязаны осенние – желтые, красные и зеленые – кленовые листья. Позже выяснилось, что все это результат фантазии и золотых рук ее самой и мамы. Конечно, возможности семьи также играли свою роль. Много лет спустя Верочка показывала мне несколько отрезков чудесных тканей, привезенных ее отцом из своих зарубежных командировок и сохранившихся невостребованными. Ему всегда давались указания не покупать одежду, потому что обязательно купит совсем не то, что носят его девочки – жена и дочь. Одобрялись ткани, пряжа, дорогие мелочи.

У нее я впервые увидела бытовой калькулятор. Отец привез из командировки в Японию. Им все пользовались, кто просил, она никому не отказывала.

На третьем курсе мы обе вышли замуж и совсем потеряли друг друга. По окончании учебы мы с мужем были распределены на крупное оборонное предприятие. После месяца работы весь мой отдел, и меня в том числе, как водится, послали в колхоз на какие-то работы. И в электричке рядом со своей начальницей я неожиданно увидела Верочку, с такой же тяпкой, как у меня. Первой моей реакцией был вопрос: «Ваша организация тоже в колхоз едет?» Тем самым я вызвала хохот своих сотрудников. Оказалось, что Верочка была распределена в тот же отдел, что и я. Ее более позднее появление на работе после защиты диплома было вызва-

но особенно долгим оформлением на работу, поскольку она провела последипломный отпуск за рубежами нашей советской родины, и первый отдел проявлял бдительность. Отпуск был отцовским подарком. И по поводу не просто окончания института, а блестящего его окончания – с красным дипломом. Да, ко всему прочему, Верочка оказалась еще и умницей. Как выяснилось, ее отец был директором по науке нашего объединения. Я хорошо его помню: он был высок, строен – очень красив.

Было очевидно, что ее ожидали блестящие жизнь и карьера. И вполне заслуженно.

В отделе мы сблизились окончательно и уже навсегда. Мы вместе работали, вместе «бегали по тряпочкам», вместе пережили схожие проблемы со здоровьем и вместе лечились – делились врачами. Признаюсь, я не только многому училась у нее, но и кое-что просто слизывала. Я научилась хорошо вязать, шить, перенимала ее отношение к одежде, к работе, к людям. Я была совершенно другой, чем она, и поэтому перемалывала под себя полученные уроки, которые считала важными. Она, безусловно, влияла на меня очень положительно, как, собственно, и все мои друзья. Сейчас я это очень хорошо понимаю и сожалею, что рядом с моей дочерью нет таких людей. Верочка могла быть и жесткой, и обидчивой, мы, бывало, и дулись друг на друга – но в целом это ни на что не влияло.

Через пару лет Верочка развелась с мужем, не выдержав

высокомерия и снобизма этой семьи – его самого и его родителей, также очень высокопоставленных личностей. И впоследствии вышла замуж за своего начальника, Сергея. Развод с первым мужем стал серьезным психологическим испытанием для нее, она заболела, долго лечилась. Потом родились дети, было безденежье девяностых, болезни детей. Она оказалась необыкновенной мамой, исключительно жертвенной и умной. Полностью погрузилась в дела детей и мужа, забросив диссертацию, карьеру и работу инженера вообще. Ради детей она получила второе высшее образование, педагогическое; выучила английский; работала валеологом в каком-то институте. И, как всё в жизни, делала это талантливо и с полной отдачей. Была приглашена в какой-то институт преподавать, написала книгу по практической валеологии в соавторстве со своим руководителем по работе. Полагаю, что в действительности она и была ее настоящим и единственным автором... Сейчас она мама троих детей, очень располнела, внешне постарела. Похоронила маму: три года самоотверженно боролась с ее болезнью. Теперь заботится о совсем старом уже отце – таком же красивом, стройном и высоком, как и раньше, но начавшем стремительно терять память.

Но она осталась все той же Верочкой Голубевой, веселой выдумщицей, умеющей сделать праздник из чего угодно, все так же любящей «пройтись по тряпочкам», настойчиво добиваться решения любых проблем, жить вкусно, азартно.

Всем моим друзьям – умным, талантливым, ярким – до-

стались непростые и непредсказуемые судьбы. Чтобы рассказать о них, нужно создать сагу. И, думаю, она была бы небезынтересна. Побарахтавшись немного в воспоминаниях, я достала телефон и выбрала номер Веры.

– Верочка, у меня все в порядке, но надо срочно встретиться. Когда вы дома? Я заеду после работы? – выпалила я.

– А что случилось? – Верочка оценила ситуацию: обычно мне хватало телефонного разговора.

– Нужно обсудить кое-что, срочно! Собираю совет.

– В Филях... – пробормотала Верочка, задумавшись... – Сегодня пятница? Могу только сегодня, выходные заняты. Сможешь?

– Принято! Только не готовь ничего...

После работы я поехала на совет.

«Совет в Филях»

– Алиссон! Как я рад тебя видеть, – Сережа облапил меня, не успела я войти. – Как доехала?

– С трудом! Кошмар – грязь, пробки; минут десять только поворачивала к вам на Космонавтов.

– Так чай зима! А этот поворот и правда тормозной, – Сережа забирает у меня куртку. – Я научу потом, как быстрее проехать.

– Антонова, – слышу голос Верочки из кухни. – Хватит обниматься, давай на кухню, а то мне скоро деда кормить. – У Веры сохранилась институтская привычка обращаться по фамилии.

– Ура! Еще и есть дадут, – радуюсь я.

– Ну, что случилось? – спрашивает Сережа, когда мы уселись за столом.

Рассказываю про свое вчерашнее приключение. И про ужасную, не отпускающую меня тревогу. Слушают, распахнув глаза.

– Ну и что мне теперь делать? – я закончила рассказ, описав свои сомнения по поводу обращения в полицию.

– Н-да, Антонова, угораздило же тебя, – наконец произнесла Вера. – Ты уверена, что тебя никто не видел?

– Нет, – конечно, может, кто-то на электричку шел и заметил мои перемещения: был момент, когда я ничего не пом-

нила от ужаса. Может, с ними еще кто-то был, кто на стреме стоял, – я не знаю. Когда я за насыпью сидела в кустах, – вероятнее всего, меня не было видно; но мои перемещения бегом от куста и потом обратно, или просто как я гуляла с собакой до этого, мог видеть кто-то, кого не видела я. Сначала – потому что внимания не обращала, потом – потому что ужас напал.

– В полицию, конечно, надо идти... – задумчиво начала Вера...

– А ты уверена, что женщина была мертвой? – прервал ее дотошный Сергей.

– Пульс же я не проверяла! Но очень похоже. Не только потому, что снег на практически голой ноге не таял, а из-за того, как ее несли, – как мешок! И эти болтающиеся руки...

Напряжение последних суток вдруг отпустило, и я разрыдалась неожиданно для себя.

Сердобольный Сережа расстроился, вскочил, куда-то вышел, принес коньяку.

– Я за ру-у-у... за рулем... – всхлипывала я.

– Да ладно, Вера, какая тут полиция! – громко возмутился он. – Ты посмотри на нее! Она и так еле дышит, еще эти ее ремонты и работа, а полиция – это тебе еще одно приключение с осложнениями! Алиссон, брось ты все, забудь: тебя никто не видел, и ты никого не видела! Плохо, конечно, но ведь сломаешься! Сломаешься раньше времени – вон будешь как наш дед в лучшем случае... Если вообще выживешь, когда

бандюганы тебя вычислят. Выпей коньяку! – почти крикнул он.

– Ну что ты несешь, – тихо проговорила Вера. Она встала, подошла ко мне, взяла мою голову и притянула к себе. Упершись в мягкую толстую Веру, где-то между ее животом и грудью, ощущая ее мягкую руку на моей голове, я почувствовала себя как дома, как в настоящем доме, где любят, ждут, защитят... Мне стало тихо, уютно, и я не хотела вылезать...

– Алискин, солнышко мое, ты просто испугалась; но все пройдет – это нервы; все хорошо, ты с нами. Злые дядьки напугали бедную девочку. Давай коньячку выпьем; останешься у нас, переночуешь; завтра выходной – поедем к тебе вместе, – ворковала Верочка.

– У меня Мартин негуляный, – пробурчала я в Верин живот.

– Ох, Антонова, развела живность! Поросят всяких, – резко меняет тон Вера. Я прыснула сквозь слезы и отодвинулась от Вериного живота.

– Нет, правда, я поеду; я что-то расклеилась; сейчас уже легче. Спасибо вам, дорогие.

– Куда ты в таком состоянии! – возопил Сережа.

– Ничего, я часто в таком состоянии; а сейчас мне и вправду легче. Я пойду: Вере деда кормить... Вы подумайте еще; я позвоню завтра, поговорим.

Верочка опять ко мне подошла, погладила:

– А в полицию идти надо...

– Вера! – возмущенно воскликнул Сергей.

– И побыстрее, не затягивай, – не обращая внимания на возглас Сергея, продолжала Верочка, – вдруг там какие-нибудь следы остались. Ты же все равно не сможешь жить с этим. А в полицию спокойно сходишь, все расскажешь, – продолжала тихо говорить Вера, поглаживая меня по голове. – Завтра выспишься, выходной, зима, в саду работать не надо. Ничего не делай и пойдти потихоньку в полицию. Никаких документов не подписывай. Просто расскажи все следователю и скажи, что очень тревожишься и не хочешь никаких заявлений писать. Отдай им эту головную боль – и все, и забудь. Мы утром приедем и вместе пойдем. Сейчас прости, из-за деда не могу с тобой. Но утром мы с Сережей приедем.

– Да что ты, Верочка, не надо! У тебя завтра дел по горло, к врачу надо с дедом. А в полицию я пойду: ты права, не смогу с этим оставаться... да, так и сделаю.

После всплеска эмоций я почувствовала жуткую усталость, до полного бессилия. Ох, гулять нынче Мартину по участку...

Ребята проводили меня до машины.

– Доедешь – позвони! – наставлял Сережа.

И снова дорога... Потоки реагентовой жижи... Мимо проносятся джигиты на небюджетных автомобилях, обдавая машину тучами темных брызг. Елозят дворники в попытке расчистить постоянно окатываемое грязью стекло... Подъезжаю

к дому, заезжаю в гараж, захожу в дом...

Добраться бы до постели. Надо выспаться, мне завтра идти в полицию.

В полиции

Здание районного УВД находилось совсем рядом с моим домом – около железнодорожной станции в конце параллельной улицы, упирающейся в почти уже настоящий город. Большое современное здание было построено три года назад и вместило все разрозненные службы полиции района. Расположенное на углу двух улиц, своим основным фасадом оно выходило на перекресток. Большой стеклянный фронтон украшен огромной двуглавой птичкой. Просторный двор уставлен полицейскими машинами, а на крыльце всегда толпится какой-то народ, в том числе и в форме.

Я поднялась по ступенькам и вошла. В холле я подошла к дежурному.

– Слушаю вас.

– Мне надо поговорить со следователем.

– А по какому, собственно, вопросу?

Я немного помялась:

– Мне кажется, я была свидетелем преступления.

– В таком случае вам нужно все описать сначала, подписаться, поставить дату и...

Я не дала ему договорить:

– Я ничего писать не буду. Мне надо поговорить со следователем.

– Каким следователем? – устало спросил дежурный.

– С любим.

– Ваша фамилия, место регистрации.

Я назвалась.

– А вы понимаете, что сегодня суббота, вообще-то выходной?

– Уважаемый полицейский, – я рассердилась, – вам что, не нужна помощь населения в наведении порядка в районе? Я тоже работаю, у меня только два выходных – и не надо говорить, что ни одного следователя в управлении нет.

Он вздохнул, поднял трубку, отошел от окошка в перегородке, отделяющей посетителей от дежурного, и о чем-то поговорил с невидимым собеседником. Потом подошел к окошку и выписал мне пропуск.

– Двести девятый кабинет, следователь Пряха, – пробурчал он недовольно.

«Пряха! Прелесть какая!» – подумала я и пошла искать кабинет. На двери двести девятого кабинета висела табличка: «Следователь, майор Пряха Иван Авдеевич».

«Ох! Он еще и Ваня!» – я вздохнула, постучалась и вошла. Довольно большой кабинет, с письменным столом в торце, перед ним пара стульев, рядом сейф. Вдоль одной стены комнаты несколько шкафов со стеклянными дверцами ломались от папок. А вдоль другой – длинный стол в окружении большого количества стульев. Видимо, для совещаний.

Майор Пряха сидел за рабочим столом перед компьютером и одним пальцем что-то пытался вколотить в клавиатуру.

ру.

– Здравствуйте. Посидите пять минут, надо закончить.

Я даже обрадовалась отсрочке, присела на указанный стул, незаметно рассматривая майора и настраивая себя на разговор. Я смотрела на следователя, пытаюсь угадать, насколько он способен проникнуться моей тревогой и поверить в происшедшее. Мне очень хотелось убедить его открыть дело и начать расследование или же уговорить добиться его открытия в том случае, если не он принимает эти решения.

Однако первые впечатления не обнадеживали. Облик майора Вани Пряхи, на мой взгляд, полностью соответствовал его имени. Невысокий, насколько я могла судить по сидящему человеку; реденькие бесцветные волосы, круглое лицо, маленькие глазки непонятного светлого цвета... Нет, его внешность не была ни уродливой, ни неприятной. Она была никакой. Форма сидела на нем как-то странно, как будто с чужого плеча, и выглядела помятой. Мне, по десять часов в сутки просиживавшей за компьютером, было удивительно смотреть, как он мучает технику, пытаюсь что-то там закончить. Я чуть было не предложила ему помощь, но благоразумно сдержалась.

Наконец, он закончил свой тяжкий труд и обратил на меня внимание.

– Следователь, майор Пряха, – глухо представился он. – Что у вас случилось, – он заглянул в бумажку на столе, –

Алиса Абрамовна?

– Аркадьевна, – поправила я

– Что Аркадьевна? – он не понял.

– Моего отца звали Аркадий, – пояснила я.

– Извините, – пробурчал он. – Так что у вас случилось?

– Мне кажется, что я была свидетелем преступления, ну... или его последствий.

– Расскажите подробнее.

Я рассказала подробнее, опустив описание красоты вечера и охватившего меня ужаса.

– Видите ли, я очень встревожена судьбой этой женщины. Я понимаю, что никаких следов там, скорее всего, не осталось, кроме вот этой записной книжки и карандашика – я нашла их в кустах. Мне кажется, что при падении сумка раскрылась и из нее многое выпало. Именно поэтому второй человек задержался около куста, пытаясь собрать все рассыпанное. А книжка залетела в куст, и ее не было заметно. Я бы тоже ее не заметила, если бы Мартин не нашел.

– Кто такой Мартин?

– Это моя собака.

– Вы же сказали, что были одна.

Я недоуменно посмотрела на майора.

– Мартин моя собака, мы с ней гуляли, – тоном терпеливой зануды повторила я. – Что бы еще заставило меня забрести к парку поздним вечером!

– А почему вы гуляете с ней в такое время? – любопыт-

ствовал майор.

– Я работаю в городе, приезжаю поздно.

– Покажите книжку.

Я положила книжку, уложенную в полиэтиленовый пакет, на стол.

– Посидите минутку, посмотрим, не осталось ли там чего интересного.

Он взял пакет и вышел. Вернувшись довольно быстро, он сказал, что никаких «пальчиков» не обнаружено.

– Не мудрено: бумажная обложка была совсем мокрая – вряд ли что-то могло сохраниться, – я пожалала плечами.

– Хорошо, – подытожил Пряха. – Вы готовы подъехать к тому месту еще раз? – спросил он.

– Конечно! – обрадовалась я. Мне показалось, это явный признак того, что следователь заинтересовался и дело будет открыто.

Он вызвал оперативную группу, и буквально через десять минут милицейская машина припарковалась в конце нашей улицы. Мы прошли до железнодорожного полотна, и меня попросили указать на куст и остаться на месте, не переходя железной дороги. Майор с двумя полицейскими подошли к месту происшествия и приступили к работе. Через полчаса, оставив оперативников у входа в парк, он вернулся и попросил показать, где, по моему мнению, находилась машина, звук которой я слышала. Осмотрев площадку перед платформой, майор Пряха предложил мне вернуться в управле-

ние.

– Беглый осмотр места происшествия ничего не дал, – констатировал майор. – Ребята еще поработают там немного, но шансов найти хоть малейшее напоминание о том, что там лежало тело, мало.

– Я понимаю, – удрученно проговорила я. – Снегопад, оттепель, потом опять снег. Но оно там было! И скорее всего, мертвое!

– А почему вы так решили? Что это было именно мертвое тело?

– Понимаете, на женщине были очень тонкие чулки. Даже в недостаточном свете огней платформы я смогла заметить родинку на ноге женщины, настолько они были прозрачные, тонкие. Снег ложился на ногу и не таял!

– Ну это еще ни о чем не говорит. При сильном охлаждении увеличение теплопотерь с поверхности тела менее выражено. Мелкие сосуды поверхности тела спазмируют, и нарушается кровоснабжение кожи. Это, конечно, очень плохо – может наступить гипотермия, – но это еще не означает, что человек непременно погибнет. Между прочим, гипотермии способствует и состояние опьянения. Может, женщина просто была пьяна, вышла из электрички, упала в сугроб. Ее хватились родственники, которые, предположив, где она может быть, нашли ее и увезли. И ничего зловещего здесь и нет вовсе.

Этот монолог дался бедному Пряхе с трудом. Говорил он

очень неловко, плохо понятно и был даже трогателен, стараясь разъяснить мне тонкости человеческого замерзания. Бесконечные «это», «как это», «м-м-м», вставленные в речь, мешали восприятию и требовали напряжения. Но одно я поняла – дело открыто не будет. Я не стала убеждать его, что родственники не носят тело, как мешок с мукой.

Итак, мне возвратили найденную книжицу – и, потеряв полдня драгоценного выходного, я вернулась домой немножго расстроенная, но все-таки с облегчением: я сделала все, что могла. Я позвонила Верочке и отчиталась о проделанной работе. Я не удержалась от описания следователя, и мы обе похихикали над зайкой-Пряхой. Настроение окончательно поднялось, напряжение последних дней спало, и мы с Мартином погуляли с большим удовольствием. В парк я не пошла, чем вызвала неудовольствие Мартина. Наглец встал на улице носом в сторону парка, на все призывы поскуливал и оглядывался на меня, но не двигался с места. Пришлось применить крайнюю меру – поводок. Я потянула его в сторону университета, и он ныл полдороги, пока я его не отстегнула; затем, вспугнув пару сорок, успокоился и помчался еще за кем-то через кусты. Через минуту он уже подбежал ко мне и уткнулся носом в колени, извиняясь.

Я растрогалась:

– Ну хорошо, милый, завтра утром пойдем в парк, но только когда станет светло, и желательно, чтобы на платформе было побольше народу. Надеюсь, никого ненужного нам мы

не встретим.

Хвост вильнул и опять исчез в кустах.

Ненужная встреча

Всю ночь опять шел снег, но утро было прекрасным! Тучи разошлись, и впервые за много дней засияло солнце.

Злодей Мартин все утро напоминал мне о моем обещании. Сначала стягивал с меня одеяло, потом поругался с Кубриком и, наконец, демонстративно улегся посередине кухни на самом проходе, не спуская с меня глаз, пока я резала куриное мясо для кошек, пила кофе, убирала посуду. Он мешал проходу и не делал ни малейшей попытки обратиться с дороги. В общем, лежал над душой. Выхода у меня не было!

Закончив дела, я произнесла наконец заветное слово:

– Гулять!

Мы дошли до железнодорожных путей, я остановилась и прислушалась к себе: никакого предчувствия опасности, никакой тревоги или страха. Платформа была полна людей, собирающихся в город. На противоположной платформе – той, что на стороне парка, – куда приходили электрички из города, тоже были люди; солнце ярко сияло, прекрасно освещая куст за путями; мимо него по тропинке вглубь парка скользнули пара лыжников и подростки с санями.

Пути перейти мы не успели: запищали предупредительные сигналы, – подходила электричка из города.

И я, и Мартин, и мои внуки – все мы любим смотреть на проходящие электрички; только пес ведет себя неприлично.

но, – он машет хвостом, прыгает от восторга и громко лает, соревнуясь с поездом: кто громче.

Электричка прошумела мимо, и вдруг Мартин насторожился. Я проследила его взгляд и увидела на другой стороне путей, среди сошедших пассажиров, человека в черной куртке, по фигуре и походке очень напоминающего того, кого я видела и испугалась в тот злосчастный вечер.

Сейчас пугаться было нечего: позднее утро было солнечным и ярким, платформа полна людей, в парк по тропе идут люди, да и не видел меня никто, поэтому и узнавать некому. Но привлекать к себе внимание тем не менее не хотелось.

Я натянула поводок, и мы с псом, так и не переходя путей, прошли небольшое расстояние до платформы в город, поднялись на нее и присоединились к ожидающим поезда. Отсюда, с высоты платформы, было очень удобно наблюдать за подозрительной личностью на противоположной стороне. Большинство сошедших с поезда пассажиров уже перешло железную дорогу и направилось к улицам нашей деревни. Сама же подозрительная личность прошла немного дальше вдоль парка, подошла к тому самому кусту и начала внимательно осматривать снег вокруг. Нисколько не скрываясь, человек в черном присел и стал методично и неторопливо разгребать руками снег вокруг куста. Со стороны выглядело, как будто он что-то потерял и просто пытается найти. Теперь я уже не сомневалась, что это тот самый человек, который нес женщину. Таких совпадений не бывает.

Я подошла к расписанию: электричка в город придет через пять минут – все войдут в поезд, и я останусь торчать в одиночестве на высокой платформе как маяк, видимый со всех сторон. Надо срочно сваливать, пока поезд не пришел, и не дожидаться окончания его поисков. Да и Мартину трудно объяснить, почему, находясь около вожака для него леса, он околачивается на платформе и до сих пор не разрыл ни одной норы и не грызет ни одной палки.

Я уже развернулась было к лестнице, чтобы спуститься и войти в парк с другого конца платформы, как вдруг подозрительная личность отошла от куста, быстрым шагом перешла пути, поднялась на мою платформу и пошла в моем направлении. В груди непроизвольно ёкнуло, я быстро повернулась к нему спиной, взяла пса за ошейник и заняла место на платформе, где народ стоял плотнее.

Личность тем временем быстрым шагом прошла мимо меня и окружающих меня людей. Я увидела его удаляющуюся спину. Он повернул голову, и я смогла заметить его профиль, правда нечетко и мельком. Я увидела черную щетину, прямой нос, жесткий подбородок. Быстренько отойдя от уже приготовившихся к посадке людей и проследив взглядом за удаляющимся человеком, я увидела, что, пройдя вдоль всей платформы и спустившись по лестнице с другого края, он подошел к стоявшей там машине. Машина завелась и, постояв еще пару минут, отъехала по единственной дороге, по которой можно подъехать к станции.

В этот момент запищали предупредительные сигналы и вдали показалась электричка.

Конечно, я хорошо рассмотрела автомобиль и запомнила его номер.

*

Память у меня куриная, то есть никакая. Все время прогулки и по дороге домой я, как попугай, судорожно повторяла номер машины, чтобы донести его до бумаги, наивно полагая, что автомобиль может открыть полиции дверцу в коридор расследования моего происшествия. Увы, позвонив Пряхе по телефону, номер которого он мне любезно оставил, я поняла, что ошибалась и происшествие так и осталось «моим». Я, похоже, рассмешила несмешливого майора своим предположением. Запинаясь и строя фразы по только ему понятным правилам, он втолковывал мне, что состава преступления нет и я напрасно трачу его и свое время, подозревая бедного мужичка, потерявшего что-то под кустиком, возвращаясь после баньки в соответствующем состоянии, получившего за это нагоняй от жены и пытавшегося теперь найти потерянное, чтобы восстановить мир в семье. Впрочем, это было только мое толкование его малопонятного спича.

– Иван Авдеевич, вы совсем мне не верите? – спросила я наконец.

– Почему, верю. Я верю, что в стране коррупция и можно сажать каждого пятого чиновника, если не второго... Давай-

те рассчитаем всех на первый-второй и под каждого второго начнем копать... Понятно, о чем я говорю? На все есть правда и законы.

– Понятно... Но все-таки вы же можете определить владельца машины: вдруг он окажется страшным-престрашным бандитом, и у вас появится повод открыть дело? Это же не секретная информация, и вы не затратите на это много времени?

Пряха тяжело вздохнул:

– Да, могу, конечно... И не секретная, поскольку не является следственной тайной. Хорошо, наведу справки и позволю вам, – может, это вас успокоит...

– Да, именно этого я и хочу! – воскликнула я.

Не прошло и получаса, как Пряха перезвонил и сообщил мне, что машина, десятилетний синий опель, принадлежит Семену Алексеевичу Коробову, женат, детей нет, зарегистрированному в деревне Мёдуши, Ленинградской области, и за последние десять лет провинившемуся перед законом всего один раз, превысив скорость, за что и был оштрафован. Штраф оплачен через два дня после его выписки.

– Теперь вы успокоились? – устало спросил он.

А что мне оставалось... Утро кончилось, пора было заняться уборкой и приготовлением хоть какой-то еды. Твердо решив выбросить все из головы и заняться делом, я уселась в кресло. На колени тут же забралась Машка и, включив урчальный аппарат, заглушающий шум холодильника, начала

месить мои колени. В голове крутились мутные, плохо определяющиеся мысли. Мёдуши... Я знаю эту деревню. Примерно в двадцати километрах отсюда. Когда-то мы с дочкой ездили туда за грибами и набрали рыжиков.

Повинуясь все тем же малопонятным мыслям, я встала и кликнула Мартина:

– Вставай, лоботряс: выходные все равно пропали – сегодня твой день! Поехали в Мёдуши!

Мёдуши

Население Мёдушей составляет около ста человек. В паре километров от деревни расположено небольшое озеро. Мёдуши избежали участи многих маленьких деревенок, которые были покинуты своими жителями и в которых в лучшем случае осталось доживать свой век несколько стариков. Произошло это благодаря близости к городу и, главное, тому, что на берегу озера было обустроено предприятие по выращиванию рыбы, где нашло работу большинство деревенских жителей. Какой-то советский чиновник районного масштаба, насмотревшись на такие фермы в соседних скандинавских странах, решил, что у советских людей это выйдет не хуже, чем у буржуев, и надумал прославиться как рачительный хозяин. Закупив оборудование и мальков на деньги районного бюджета, лишив тем самым район новых дорог, ремонта школ и больниц, он настроил подобных ферм на всех прудах и озерах района. Однако все вышло как всегда. Оборудование вскоре стало выходить из строя, рыбу воровали; мальки дохли, не получая необходимого ухода, поскольку на обучении работников было сэкономлено. Да и, правду сказать, зачем советскому человеку чужой опыт: советский человек горд, и не нужно нам было никаких уроков, – невелика наука, сами с усами!

Рыбные хозяйства грустно окончили свое существование.

Бюджет был опустошен, руководителя района срочно перевели на вышестоящую должность, а затраченные средства списали на полученный ценный опыт. Но некоторое время фермы все-таки просуществовали, и для Мёдушей это сыграло существенную роль. Рыбная ферма на соседнем с древней озером продержалась дольше всех, проработав в каком-то виде до перестроечных времен. Ее постигла участь всех остальных подобных хозяйств – но времена настали уже другие. Не все оборудование, пристани и садки успели сгнить, и ферма через некоторое время была выкуплена каким-то предпринимателем и восстановлена.

Я ехала по дороге, почти пустой по случаю зимы и выходного дня, и переваривала информацию, выкачанную из интернета. Нагулявшийся утром Мартин дрых на заднем сиденье. Разные мысли и воспоминания лезли в голову. Я вспоминала пустоту и разруху девяностых, думала о стариках и старушках в брошенных деревнях... И еще мне было очень жалко мальков.

Двадцать километров – это почти ничто для автомобиля на пустой трассе. Вскоре я увидела разрушенную церковь с поникшей маковкой и указатель «Мёдуши». Деревня располагалась вдоль дороги, как и огромное количество других русских деревень, но отличалась от прочих наличием второго ряда домов через узкую разделяющую ряды улицу. И эта деревня тоже начала преобразовываться, как преобразуются сейчас многие из них, особенно расположенные около мега-

полисов, жители которых скупают в деревнях дома для обустройства загородного жилья. Да и сами деревенские стали обновлять свои домишки, пользуясь появившимися новыми материалами и их относительной дешевизной. То тут, то там уже виднелись дома, обшитые сайдингом, с новыми крышами из ондулина или металлочерепицы. Ряд домов вдоль дороги разрывался небольшой площадью, в глубине которой располагалось типовое здание деревенского продуктового магазина. Точно такое же здание сельского магазина сохранилось даже в деревне, где я живу, и находится на улице, параллельной моей.

И все же чем-то Мёдуши отличались от многих других деревень, которые я только что проехала. Я припарковалась на площади и осмотрелась. Во-первых, внутренняя улица деревеньки и некоторые проезды между домами, заметные с площади, были заасфальтированы и тщательно очищены от снега. Во-вторых, здание затрапезного сельского магазинчика прекрасно отремонтировано, сделан пандус для колясок, крыльцо накрыто навесом. И – да! – заборы... Нет старых покосившихся заборов – непременно атрибута российской деревни. В Мёдушках почти все видимые заборы были новые, сделанные по одному образцу. Я обратила внимание, что деревенская площадь, если так можно назвать площадку перед магазинчиком, тоже была хорошо очищена от снега и обсажена ровным рядом живой изгороди, которую осенью тщательно подстригли. Стояли скамейки и урны! Последнее бы-

ло совсем удивительно. Впрочем, может, я просто давно не бывала в деревеньках... только проезжала мимо, а проезжая мимо, много не увидишь...

Вдоль всех дорог в России – рыночки на ящиках, табуретках, а то и просто на земле на постеленной клеенке.

И Мёдуши были не исключение, но здесь для торгующих были сооружены небольшие прилавки с пластиковыми крышами, оберегающими от дождя и снега нехитрый деревенский товар. Был разгар дня, и у прилавков стояло несколько закутаных бабушек.

Мой порыв приехать в Мёдуши был ничем не объясним. У меня не было ни одной мысли или даже предчувствия: а что же, в сущности, я собиралась здесь найти? Машину? Но даже если бы я и увидела синий опель, мне бы и в голову не пришло подойти и поинтересоваться... м-м-м, а чем, собственно? «Скажите, это не вы ли тащили женщину третьего дня около университетской платформы?»

Да я и расспрашивать никого не собиралась: «А не знаете ли вы Семена Коробова, он мне исключительно подозрителен!»

Напротив, я точно знала, что ни при каких обстоятельствах нельзя ни намеком выдать себя! Меня никто не видел, и никому и в голову не должно было прийти, что я интересуюсь кем-либо или чем-либо, имеющим отношение к тому происшествию или к его участникам. Я как бы приехала на разведку, зацепившись за единственную известную мне

ниточку, которая связывала происшедшее с каким-то реальным человеком. Но что именно нужно разведывать, я и представления не имела. Мне хотелось убедиться, что мое ночное приключение не плод моего воображения, на что явно – насколько он вообще мог быть понят – намекал Пряха. Что моя тревога – это не неврастения усталой задерганной тетки. Впрочем, пусть неврастения; но мне надо было убедиться в этом. Приключение не выходило из головы, мешало спать, воображение рисовало всевозможные сценарии происшедшего. Картины увиденного и пережитый ужас уже измучили меня совершенно. Я чувствовала себя в противной липкой паутине, которая вроде существовать и не мешает, но душит и сковывает каждое движение. Мне хотелось освободиться от нее, и я интуитивно искала способ: лазейки, щелочки – разрывы, в которые можно прорваться.

Об этом я размышляла, стоя у деревенского магазина. А вдруг в этой деревне случилось что-то – произошло какое-то событие, которое помогло бы мне выпутаться из оплетшей меня сети? Надо поговорить с местными жителями...

Бабушки с маленького рынка – вот кто мне нужен!

Оставив Мартина в машине, я подошла к прилавкам. На, как раз бабулек-то там и не было. Дородные, румяные от мороза тетки торговали вязаными носками, маринованными и сухими грибами, разными соленьями и вареньями – я не очень обратила внимание на товар. Впрочем, одна бабушка, расположившаяся на самом краю ряда, все же была. Как пу-

затые стражи, перед ней стояли две трехлитровые банки с солеными огурцами.

Я взглянула на старушку – сердце мое ёкнуло и почти остановилось. Бабушка была исключительно похожа на мою собственную бабушку, мамину маму, моего милого ангела, мою бабунечку с Кубани, светлую память о которой я храню всю свою жизнь. Даже старенький пуховый платок был повязан точно так, как носила бабунечка, наверное, как и очень многие деревенские бабульки. Старушка сидела за своими огурцами как нахохлившийся воробей на жердочке. Наверное, устала, бедная, такая родная... В носу защипало, в глазах стало мокро.

Я непроизвольно сделала шаг по направлению к ней, чем вызвала призывный оклик тетки, занимавшей место рядом:

– Дамочка! Дамочка! Так вам огурчиков? Берите мои! У баб Ани они мягкие и кислятина, а мои крепкие, острые; под водочку после бани – мужик крепче любить будет! Подходите, подходите, дешево отдам! – масляным голосом увещевала она.

От злости слезы мгновенно высохли! И, надев мину беспредельного восторга, я радостно воскликнула:

– Да что вы! Кислые и мягкие? Мои любимые! Нигде не могу таких найти! Спасибо, что подсказали! Дай вам Бог здоровья! Баба Аня, а у вас только две банки? Я бы еще взяла парочку!

– Ох, доченька, дома еще есть, я недалече тут, – засуети-

лась бабушка, – не дотащить мне больше двух банок. Может, дойдешь, заберешь? А то подожди, я сбегаю.

«Доченька»! – именно так обращалась к молодым женщинам моя бабушка...

Чтобы не зашипало опять, я схватила банки и потащила к машине; за мной засеменила старушка:

– Я недалече, недалече... Тут сразу за магазином...

Тетка еще минуту таращилась на меня в недоумении, потом, сбитая с толку, задрала подбородок и отвернулась.

Я положила огурцы на заднее сиденье, надела поводок на пса и, предупредив бабушку: «Подождите меня, я на секунду», вернулась к прилавкам.

Держа Мартина на коротком поводке, я очень тихо, но строгим голосом объявила тетке:

– Гражданочка, а вы знаете, что нарушаете Закон Российской Федерации о рекламе? Вы позволяете себе некорректные сравнения с товаром другого продавца. Статья пятая! Это влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей! Аккуратнее, аккуратнее, гражданочка...

Это был единственный пункт единственного закона, кроме правил вождения, который я могла процитировать. Просто как-то услышала разговор Верочки по телефону...

Оставив обалдевшую тетку отмораживаться, я поспешила к ожидавшей меня старушке.

Следуя за бабой Аней, я посматривала по сторонам в невнятной надежде увидеть знакомую машину в каком-нибудь дворе. Что бы я сделала, если бы увидела, даже не представляю. Но синей машины не было, как, впрочем, и какой-либо другой.

Дом бабы Ани находился сразу за зданием магазина. Такой же новый однотипный забор, как и большинство в деревне, а сам домик старенький: давно не крашенный, но с виду крепкий. А вот крыльцо к дому было новое, просторное, с навесом от дождя и пандусом для колясок.

«Ага! – подумала я. – Дети в доме есть, а значит, и родители. Что же заставляет ее торговать у дороги?»

– Баба Аня, я Мартина привяжу к крыльцу? – спросила я.

– В дом, в дом заводи, доченька, что же милой собачке мерзнуть!

Милая собачка в благодарность легонько боднула бабу Аню и завиляла хвостом. Любопытством Мартин переплюнет любую кошку. Я подозревала, что новый дом и новые знакомства были для него не менее интересны, чем прогулки по лесу.

Мы зашли в дом – чистенько, бедно... За столом, покрытым клеенкой, давно просившей замены, сидела девочка-подросток, лет двенадцати-четырнадцати, и что-то сосредоточенно писала в тетрадке. С ее левого и правого локтя на столе развалились две серые кошки. Они похлопывали по столу хвостами и сонно таращили глаза на тетрадку. Кошки

блаженствовали – рокот их мурлыканья слышен был от двери. Но до моей Машки им далеко!

Услышав, что кто-то вошел, девочка подняла голову и посмотрела на нас. Нежное лицо, светлые волосы, распахнутые голубые глаза.

Русская, да и не только русская литература изобилует персонажами, описанными таким образом: «светлые пушистые волосы обрамляли ее нежное лицо». К счастью, и сейчас в нашем стремительно темнеющем мире еще много светловолосых девочек и мальчиков с голубыми или серыми глазами. Особенно в наших северных широтах.

Да, внешность девочки была, на первый взгляд, совсем обычной. Но я не могла оторвать от нее взгляд. Лицо просто лучилось радостью, светом, каким-то ощущением покоя. Я утонула в этих лучах, укуталась в них, мне стало тепло и спокойно, как будто дома, давно... раньше...

– Катенька! – воскликнула баба Аня. – Огурчики доченька у нас купила.

Она просеменила куда-то в соседнюю комнату, видимо за другими банками.

– Ой! Собачка! Здравствуйте! А как ее зовут? Да вы проходите, пожалуйста, садитесь! – открыто улыбаясь, пригласила Катенька. – Вы не смотрите, что кошки на столе, – они чистые, да и клеенка эта для них. Когда чай будем пить, я постелю скатерть.

Мартин подбежал к девочке знакомиться. Кошки, вытя-

нув головы и перестав урчать, настороженно разглядывали большую собаку. Но и не подумали сойти со стола.

– А почему вы решили, что я беспокоюсь из-за кошек? У меня своих пять; и, к сожалению, некоторые из них не поддаются никакому воспитанию и очень любят валяться на столе, причем именно на скатерти, на которой я пью чай. И ужасно волосят при этом, – заговорила я, подходя и присаживаясь. – Я всегда смущаюсь, когда заходит какой-нибудь гость и видит эту картину. Начинаю махать руками и возмущаться: «Ах! Ах! Безобразники!» – подхожу к ним, тихонько глажу и прошу уйти. У меня даже есть специальные щетки для уборки их шерсти со столов, диванов, да и с людей, присевших на эти самые диваны.

Я рассказывала про своих кошаков, Катенька заливалась смехом, слушая меня, гладила Мартина, и мне было очень хорошо и спокойно. Прошло не больше пяти минут, но мне казалось, что мы уже давно сидим и разговариваем с удивительной девочкой, которая умеет излучать счастье и слушать взахлеб.

Наконец, вернувшаяся баба Аня прервала нас:

– Вот, доченька, я в прихожей поставила три банки – ты возьми, сколько тебе еще хочется. А ну-ка чайку, девоньки. Попьете с нами? Катенька, поставь чайник, а я чашки принесу; у нас и конфетки есть.

Катенька, немного оттолкнувшись, отъехала от стола. Инвалидное кресло! Как же я не заметила!

От неожиданности глаза наполнились слезами и невольно вырвалось:

– Как же так!

Баба Аня, посмотрев на меня, грустно улыбнулась:

– Да, ножки у Катеньки парализованы, после аварии, – спокойно сказала она. – А ее родители в той аварии и погибли. Сынок и невестка.

– Вы так... так говорите об этом... – пробормотала я, пытаясь прийти в себя.

– Как? Спокойно? – улыбнулась баба Аня.

– Обыденно...

Баба Аня подошла ко мне, погладила по плечу:

– Долго горевать грех, доченька. Вот и ты горюешь... Глаза у тебя больные... Нехорошо. Да кто мы такие, чтобы понимать, как нам лучше? У тебя детки есть?

– Да, – дочка, но она взрослая уже; у меня внучки...

– Вот когда она маленькая была, ты ее учила, наставляла. Сладкого много не разрешала, гулять без шапки не пускала, а она плакала – ведь плакала?

– Конечно. Рыдала, будто мир разрушился.

– Так он у нее и правда рушился! Понимаешь? Именно рушился! Но она же успокаивалась. А потом она стала старше и поняла, что мир на своем месте и плакать совсем не надо из-за такой ерунды. Вот и мы так. Мы – дети, просто постарше. Человек и умирает ребенком. Когда нам плохо, мы думаем, что мир разрушился. Но мы же ничего не знаем...

Для Бога мы дети: только Он знает, зачем нам все это и почему. Что же горевать-то... Хотя непослушные мы дети, горюем... Ох, горюем...

– Но как вы справляетесь!

– Так крест-то по силам дается, доченька! Взамен потеря что-то другое появляется... Вот нам помогают много, пенсия у меня хорошая и у Катеньки... Да и огурчики вот продаю: мало-мало, а добавочка к пенсии...

– Да вы не думайте, что я ничего не умею, – с горячим чайником в руке в комнату въехала Катя. – Вот посмотрите, какая у меня коляска отличная – сама едет, или руками могу. А я и в огороде сама. Посмотрите, какие у нас грядки!

Катенька подъехала к окну, выходящему во двор, и помашила меня. Взглянув в окно, я увидела высокие грядки из плоского шифера, заваленные снегом. Расстояние между ними было достаточное для проезда Катиной коляски.

– А между грядками у нас плитка лежит – сейчас не видно из-за снега; коляска идет ровно и не вязнет. Вперед я на руках, – экономлю батареи, а назад моторчик включаю. Я все сама в огороде делаю. Баба Аня совсем немного помогает.

– Я и с туалетом сама справляюсь, у нас везде ручки и приспособления, – продолжала хвалиться Катя. – А крыльцо наше видели? Арсений Андреевич в прошлом году сделал. И дрова нам Сеня привозит и раскладывает так, что мы почти не носим. И заходит часто. Я даже в магазин сама езжу, – там можно въехать на коляске, и недалеко.

– Арсений Андреевич? Это кто? Сосед? Или родственник ваш? – скорее машинально, чем на самом деле заинтересовавшись, спросила я.

– Не совсем... Хотя, конечно, сосед. Он живет примерно в километре отсюда, ближе к рыбной ферме. В усадьбе, – отозвалась баба Аня. – Да вы идите чай пить, уже все на столе.

Я обернулась: стол был застелен скатертью и на столе стояли чашки с дымящимся чаем, вазочка с конфетами, печенье. Катенька уже подкатила к столу, рядом с заговорщицким видом устроился Мартин, и все трое в ожидании усталились на меня. Я с радостью присоединилась.

Чай оказался с сухой малиной и мятой – с запахом лета, теплых листьев, скошенных трав...

– Катюшка малинку собирала и сушила, – рассказывала баба Аня, – мы малину посадили невысокую, обрезаем хорошо – вот она у нас и раскидистая, богатая на ягоды...

– Баба Аня, а кто у вас так деревню в порядок привел? Заборы, скамейки...

– А-а! Все спрашивают! Это Арсений Андреевич все заботится...

– Да что он, на все руки мастер, что ли?

– Да нет! – рассмеялась баба Аня. – Он рабочих прислал. Да и не сразу все сделалось-то. Сначала он площадь перед магазином в порядок привел, прилавочки вот нам поставил, чтобы мы не на ящиках сидели... Потом помог сельсовету магазин отремонтировать: настоял, чтобы непременно для

колясок удобно было, – у нас на такую маленькую деревню три инвалида-колясочника. А уж потом и заборы нам сменил и дорожки заасфальтировал... А инвалидам всем коляски в самой Германии заказал и подарил. Но, кроме Кати, остальные это старики совсем...

– Да кто же он такой, ваш Арсений Андреевич? – меня уже пробрало любопытство.

– Здесь и дед его, и отец жили... Дом ему в наследство достался. Совсем развалюшка...

Баба Аня уселась поудобнее, сложила руки перед собой и рассказала мне историю появления в Мёдушях Арсения Андреевича Резникова. Впрочем, «появление» не совсем правильное слово... Он здесь часто бывал, навещая отца... А сам обосновался только лет пять назад. Его дед, Илья Алексеевич Резников, появился здесь после войны, построил себе дом в полутора километрах от Мёдушей, ближе к озеру, поскольку был нелюдим и любил рыбачить. Его мало кто помнил в деревне. Только несколько стариков вспоминали, что он продавал пойманную рыбу у дороги, где всегда торговали все деревенские. Он был, видимо, разведен: у него был сын, Андрей, который жил в городе с матерью. Сын приезжал только летом и всегда один. Когда Илья Алексеевич постарел и ослабел, Андрей стал приезжать чаще, привозил продукты, помогал. Их часто видели вместе на озере с удочками. Перед самой смертью старика Андрей почти месяц безвылазно провел с отцом. Сам и схоронил... Мать на похоро-

ны не приехала.

Получив дом в наследство, Андрей заколотил окна и двери и уехал домой, в город; долгое время его в Мёдушах не видели. Появился он, когда на озере была построена рыбная ферма и Андрей, как оказалось, был назначен заведовать рыбным хозяйством. Тогда-то его и узнали поближе в деревне. К этому времени он уже был женат и растил сына Арсения. Жена, побывав в старом домике, категорически отказалась переезжать из города, мотивируя это невозможностью оторвать сына от учебы, а себя от работы и, конечно же, отсутствием удобств. Но Андрей – биолог по образованию, любивший Мёдуши, озеро, лес еще со времени своих посещений отца и увлеченный своей работой, – не смог отказаться от предложения. Так и пришлось ему жить на два дома, периодически наезжая в город, но основное свое время посвящая ферме, озеру и ремонту старого дома.

Работал он увлеченно, и ферма по советским меркам была вполне благополучным предприятием: планы по поставке рыбы выполнялись и перевыполнялись, знамена победителей соцтруда завоевывались, и руководитель района горделиво отчитывался на всевозможных совещаниях, что его инициатива дает положительные результаты. Он нечаянно умалчивал, что ферма успешна только благодаря знаниям и упорству Андрея Ильича, его жесткому контролю над озером, недопущению пьянства и воровства, тому, что жители Мёдушей уважали его и очень держались за работу.

Почти все взрослое население Мёдушей работало на ферме. Муж бабы Ани также служил на ферме плотником. Он строил садки для мальков, загоны для взрослой рыбы, пристани.

Ферма работала даже после того, как все остальные хозяйства района уже закрылись. Андрей Ильич изо всех сил пытался сохранить ферму, бегал по начальству, выбивая финансирование, на свои деньги покупал корм для мальков; но в глухие девяностые такие маленькие, Богом забытые деревенские предприятия мало кого интересовали. После того, как зарплаты перестали выплачиваться, рабочие фермы – как бы хорошо они ни относились к своему директору – вынуждены были податься на заработки в город: семьи надо было кормить, ничего не поделаешь.

После закрытия фермы Андрей Ильич вернулся в город к семье, преподавал в Аграрном университете, но жить в городе уже не смог и через некоторое время вернулся в Мёдуши. Он устроился преподавать на биофаке в университете, благо ездить в университетский комплекс из Мёдушей было достаточно удобно. Писал статьи, пытался проводить исследования в еще не разрушенных садках брошенной фермы. И уже его сын, Арсений, приезжал навещать его, так же как и он когда-то приезжал к своему отцу. История повторялась новым витком. Летом отца и сына видели иногда на пристанях старой фермы, где они подолгу беседовали, свесив ноги с мостков, купались, а иногда по вечерам сидели у костра тут

же на берегу озера на территории фермы.

Арсений к этому времени давно окончил химический факультет университета, был женат, занялся бизнесом, как и многие в эти годы. Он пытался организовать производство «каких-то пластмассок, которые придумал сам», как выразилась баба Аня. Видимо, он занимался производством полимеров, по собственным технологиям. По крайней мере, так я истолковала эту часть рассказа бабы Ани.

Иногда Арсений приезжал к отцу с женой и с маленькой дочерью, тогда они жили у Андрея Ильича по нескольку дней, но никогда подолгу.

Андрей Ильич умер, не дожив нескольких дней до своего семидесятилетия, от инфаркта, случившегося в редкие дни его нахождения в городе. И хотя ему была оказана вся необходимая помощь, сердце, как оказалось, было исключительно изношенным – спасти его не удалось.

По завещанию он был похоронен на кладбище в Мёдушках, рядом с отцом. Вся деревня была на похоронах. Немалое количество пришедших людей, их искренние слова об умершем, теплота прощания, похоже, удивили его высокомерную, с точки зрения деревенских, жену. Впрочем, горе ее было искренним, и жители выражали ей теплое сочувствие, приглашали приезжать, предлагали помощь в ремонте старого дома. Она и правда приезжала с сыном и внучкой на могилку, ухаживала за ней, заходила в гости в некоторые дома – но помощи не просила, и дом стоял заколоченным.

Арсений не бросил бизнес после первых неудач: упорством он пошел в отца и настойчиво пытался наладить производство «пластмассок». На какое-то время жители Мёдушей потеряли его из виду. Жизнь в деревне потихоньку налаживалась, пустующие дома стали выкупаться, восстанавливаться. Появилось много городских, живущих в деревне только летом. Жители стали заводить коров, коз. Молоко, масло, сметана – все шло на продажу; также выручали лес, озеро, огороды.

И вдруг лет шесть-семь назад через деревню по направлению к озеру пошли вереницы машин, гружённых строительными материалами. Появились и бригады строителей, которые жили во временках около старой фермы и скупали все, что можно было купить в местном магазинчике и на прилавках у торговков. Пошли слухи, что ферму кто-то восстанавливает. Секрет раскрылся быстро. Дела Арсения Андреевича пошли в гору, он выкупил полуразрушенную ферму и намеревался возобновить дело отца. А потом появились и объявления о наборе работников. Дальше – больше. Машины с материалами пошли к старому домику. Он вскоре был снесен, а на его месте началось строительство нового большого дома. Был огорожен красивой решеткой и начал обустраиваться участок. Ландшафтные дизайнеры за пару месяцев превратили заросший кусок поля в красивый и уютный сад. Было посажено множество деревьев-крупномеров, проложены дорожки, разбиты рабатки, заложен розарий. Плодовые

деревья заняли отдельный участок сада; на том же участке нашлось место для аккуратной теплицы и грядок, вокруг которых были вымощены дорожки.

Не осталось в стороне и обустройство деревни. Старый асфальт – там, где он был, – заменили на новый. Были заасфальтированы все проезды между домами, отремонтировано здание магазина, посажены кусты вокруг деревенской площади.

Но особенно увлеченно баба Аня рассказывала о новом саде. Они с Катенькой как-то даже умудрились дойти до усадьбы – после всех изменений на участке Резниковых к нему в Мёдушах прочно прикрепилось название «усадьба», – благо дорога была новая и ровная. Их пустили внутрь, и по уже вымощенным дорожкам они обошли весь участок. Дом еще строился, но впечатление от преобразованного куса поля было огромным и осталось надолго.

При этом сам Арсений Резников редко появлялся на ферме и в усадьбе. По крайней мере, любопытствующим жителям деревни отвечали о большой занятости хозяина на своих заводах, расположенных в разных частях страны.

Еще через год строительство дома и его отделка были закончены, и хозяин переехал и обустроился в усадьбе.

– Арсений Андреевич очень заботится о наших Мёдушах, – продолжала рассказывать баба Аня. – И то сказать, и отец, и дед его почитай всю жизнь здесь прожили, душой приросли... Вот кровь и говорит. А деловы-ы-ые были оба! –

протянула она. – Арсений в них пошел – только время ему другое вышло, силушку было где применить. Он как поселился здесь, так походил здесь по домам с этим своим... как его, запамятовала...

– Секретарем, – подсказала Катенька.

– Да-да, секретарем. Знакомился, значит. И еще предлагал всем заборы починить. Все, конечно, соглашались – за даром-то! Народ у нас небогатый... А нас с Катенькой даже и не спрашивал ни о чем... Пришел, посидел, с Катенькой поговорил... Ваню, мужа моего, вспомнил... По ферме еще отцовской запомнил... Про горе наше, похоже, рассказали уж соседи. Он ни о чем не спрашивал... А на следующий день приехали рабочие, стали крыльцо строить, да так с уважением к нам – всё спрашивали, не мешают ли... Да куда там мешают! Сердце радовалось. У Катеньки-то коляска тогда старенькая была, тяжелая... Трудно было мне ее с крыльца спускать... Но не дома же девоньку безвылазно держать! То сама справлюсь, то соседи помогут – но вывозили Катеньку... А тут такую дорожку сделали – она и сама стала выходить, особенно летом.

– А скоро и коляску мне новую Лизонька привезла, которую Арсений Андреевич выписал, – восторженно дополнила Катенька. – Она легкая, удобная, мне совсем легко с ней! А еще Лизонька возила меня на обследование: говорят, можно операцию сделать. Я еще, может, ходить снова буду!

Катенька разругалась от своей надежды и радости.

– А Лизонька – это... – начала я.

– Дочка Арсения Андреевича, – договорила Катенька. – Она часто ко мне заходит, только командировки у нее бывают по работе, вот уже несколько дней не видно и не звонит. Наверное, опять уехала.

– Вот видишь, доченька, – ласково продолжила баба Аня. – Хорошо всё у нас, справляемся...

– Ох, а сколько я вам за огурцы-то должна? – спохватилась я.

– Да сколько не жалко, – улыбнулась баба Аня. – А то бери так, доченька. Спасибо тебе, я и сейчас бы еще на базарчике торговала. И хотя за рыбкой много людей приезжает и к нам по дороге заглядывает, но все меньше, чем летом.

– Баба Аня – вы простите, что я вас так называю: я не знаю, как вас по имени-отчеству, – пора мне уже. И вас задержала, и сама засиделась. Хорошо у вас. Но пора... А сейчас – могу я чем-то помочь? Я могла бы в магазин сходить, мусор вывезти; может, дрова принести?

– Да что ты, доченька; ты заезжай к нам, мы всегда рады будем. А если что нам нужно, то Семен Коробов – он работает у Арсения Андреевича в усадьбе – почти каждый день забегает. А «бабой Аней» я уже по гроб жизни буду, – рассмеелась она.

Коробов! Владелец темно-синего опеля! Работает в усадьбе! От неожиданности я не нашлась, что спросить у бабы Ани о нем. Тепло и уют их дома ублажали меня. Мне каза-

лось, счастье прошумело крыльями совсем близко. Не мое и не чужое, – вообще счастье, которое доступно всем, протяни только руку! Но то ли руки короткие, то ли ухватить его духу не хватает... Увлёкшись рассказом о Мёдушях, замороженная судьбой этих двух женщин, их покоем и жизненной силой, я совсем забыла о цели моего посещения Мёдушей. Надо признать, что и цель-то не была понятна даже мне самой; но вот он, Коробов! Единственная ниточка, связывающая мое приключение с каким-то реальным человеком. И что теперь делать, я не имела ни малейшего представления.

Распрощавшись с бабой Аней и Катенькой, оставив на табуретке в сенях «сколько не жалко» денег за огурцы, я подошла к машине, все еще находясь в некотором замешательстве. Пробыв в Мёдушях уже больше двух часов, я рисковала быть застигнутой теменью наступавшего зимнего вечера. И не в центре города, а на трассе, где освещены только дереушки, – в двадцати километрах от дома, с невыгулянной собакой и с тремя банками кислых огурцов. Свет дня уже загустел, еще час – и наступит темнота.

На маленькой деревенской площади, с уже покинувшими ее торговками, еще не зажглись фонари, но в магазинчике освещение уже включили. Я стояла у своей машины, единственной на площади, и смотрела на отходящую от площади под прямым углом к трассе неширокую, асфальтированную и хорошо очищенную дорогу к ферме с установленным в ее начале указателем «Свежая рыба».

Пора было ехать домой. Я села в машину и направилась по дороге к усадьбе.

Усадьба

Как баба Аня и говорила, километра через полтора от последнего дома в Мёдушах, прямо в поле, отделяющем деревню от озера и фермы, располагалась вотчина Резниковых. Я подъехала к участку, огороженному чугунной оградой, которая была слишком лаконична и изящна, чтобы быть дешевой. Этот участок среди поля, засаженный по периметру деревьями в тщательно продуманном небрежном беспорядке, выделялся как оазис в пустыне. Несмотря на отсутствие листвы, деревья мешали рассмотреть общий вид и планировку участка, но со стороны центрального въезда хорошо просматривался сам дом.

Я сама владелица дома, заложенного и спроектированного в глухие девяностые, когда ничего, кроме убогих кирпичных коробок, не получалось. Либо подводили архитекторы, либо не могли нормально реализовать проекты сами строители. Получались либо помпезность, либо убогость. В моем случае было последнее. Назывались эти шедевры тогда непременно «коттеджами», что невероятно раздражало. Мне хотелось иметь хорошенький домик, а получился обыкновенный коттедж. Конечно, сейчас, когда культура строительства значительно выросла, многое можно исправить; и может быть, мне и хватит денег и жизни на это. Но вряд ли. Этот дом, который стоял сейчас перед моими глазами, ка-

зался мне архитектурным шедевром, если говорить об архитектуре небольших частных домов. Простота, сдержанность, гармония линий радовали глаз. Он представлял собой сочетание современности и классики. Темный кирпич и белая отделка напоминали бы о коттеджах Англии, но просторная терраса с безрамным остеклением, плоская крыша флигеля, широкие окна и очень лаконичное использование той самой белой отделки придавали дому очень современный вид.

Широкая мощеная подъездная полоса была проложена от общей дороги к просторной площадке перед домом и к навесу для автомобилей справа от дома. Под навесом стояли несколько автомобилей: очень серьезный мерседес, милый купер и старый синий опель, владельцем которого, судя по номеру, был Семен Коробов.

*

Я глазела на опель из машины – и глазела бы, наверное, еще некоторое время, соображая, что делать дальше, – пока Мартин не захныкал, напоминая о себе.

– Прости, милый! – я вышла из машины, выпустила пса побегать. Все равно устраивать прогулку дома уже не успею. С радостным повизгиванием он помчался осваивать незнакомые места.

Я подошла ближе к решетке. Свет в доме не горел – хотя сумерки сгущались с каждой минутой, и было совсем не похоже, что его обитатели находятся внутри.

«Воскресенье, вечер, – нормальные люди ходят в театры,

в кино, к друзьям, а не шастают по окрестным деревьям», – подумала я.

Не успела я забыть эту мысль, как внезапно, даже испугав меня немного, вспыхнул свет, осветив дорожку к дому и террасу. Какая-то девушка выскочила из дома и быстрым шагом пошла по направлению ко мне, то есть к калитке ограды. Строгий деловой костюм, белая блуза, наброшенное на плечи пальто – она явно выскочила наспех. Я так откровенно рассматривала дом и машину, что приняла ее спешку на счет своего беспардонного любопытства: видимо, она увидела меня или в окна, или в камере видеонаблюдения и решила поинтересоваться, кто это ошивается возле дома.

Я смутилась, развернулась и пошла было к машине, стараясь не спешить, чтобы мои маневры не напоминали бегство, – но вдруг девушка окликнула:

– Женщина, женщина!

Бедный, бедный гордый русский язык! Пламенные октябрьские революционеры среди множества бед, которые они натворили и последствия которых мы разгребаем до сих пор, а большинство не разгребем никогда, учинили еще страшное ограбление русского языка, где навсегда исчезли все виды нейтральных обращений. Все сударыни, барышни, госпожи исчезли, утонув в революционной борьбе с буржуазными манерами: «А, етить твою мать, профессор! Иди сюда, выпей с нами!»

Эта потеря – отрывка пролетарской культуры – навсегда

заставит нас обращаться друг к другу по гендерному признаку или выискивать другие способы обращения к незнакомым. Дорогие мои донны, фрау, панны, синьоры и синьоринны... никогда, никогда не приблизиться нам к вашему очарованию – и останемся мы неведомыми женщинами и мужчинами, во всяком случае – до момента знакомства.

Я обернулась на оклик, уже готовясь извиняться и оправдываться тем, что любовалась домом, как вдруг девушка опять обратилась ко мне:

– Вы по объявлению? По устройству на работу? – девушка запыхалась, ей было холодно, она говорила быстро и нетерпеливо.

– Д-да... – оторопело кивнула я.

– Так что же вы не звоните? Заходите, заходите, холодно...

– Я... я... Я с собакой!

– В этом доме живности больше, чем людей, – махнула она рукой. – Давайте и собаку!

Она нажала кнопку на пульте, и ворота отъехали в сторону.

– Заезжайте, ставьте машину под навес и проходите в дом – а я побегу: холодно.

Я окликнула пса, села в машину и припарковалась рядом с опелем. Мартин пробежал во двор своим ходом. Девушка исчезла в доме, и я немного рассмотрела опель. Машина как машина: старенькая, но чистая, и совершенно не подозри-

тельная. Никаких трупов или пятен крови не просматривалось.

Я прицепила поводок, и мы подошли к террасе, в глубине которой широкая, немного приоткрытая для нас дверь приглашала войти. Что мы и сделали.

Девушки нигде не было видно, и я остановилась, осматриваясь. Внутри дом был так же безупречен в своей выверенной гармонии; и, главное, все было совершенно в моем вкусе. Просторная прихожая, пол покрыт светлой крупной плиткой; вверх уходила стильная современная дубовая лестница со стеклянным ограждением. Очень современно, ничего лишнего. Справа от входной двери стена была обшита дубовыми панелями, которые впоследствии оказались встроенным шкафом; слева три двери; из одной вышла давешняя девушка и пригласила войти.

Мы вошли. Комната оказалась просторным кабинетом с двумя большими столами, на которых возвышались мониторы известной фирмы. Системные блоки были, видимо, спрятаны в тумбах стола. Я присела на предложенный стул перед одним из столов, Мартин примостился у меня в ногах. Он был совершенно безмятежен. Он спокойно уселся рядом и весело смотрел на меня, ожидая распоряжений.

– Ложись и лежи тихо! – приказала я.

Девушка села за стол с другой стороны и представилась:

– Здравствуйте, меня зовут Светлана.

Светлана оставляла впечатление очень милой девушки:

светлые волосы подстрижены в каре до плеч, серые глаза, приветливая улыбка. Тоненькая, высокая, стильно одетая; безупречный, почти незаметный макияж. Смотреть на нее было приятно.

– Алиса Аркадьевна. Здравствуйте, – ответила я.

– Где вы прочитали наше объявление?

Я замялась по понятным причинам. Однако Светлана не стала дожидаться моего ответа:

– Но, в сущности, это неважно; давайте по существу поговорим. Как указано в объявлении, экономку в дом мы ищем срочно, потому что наша экономка, Ольга Олеговна, вынуждена была на время уехать к матери. Сестре Ольги Олеговны, которая ухаживает за матерью, сделали операцию: сестру надо подменить, и затянется вся эта неприятность не менее чем на месяц. Поэтому в объявлении мы пока указали месяц как срок найма, но этот период может затянуться. Раз вы пришли, значит, вас это устраивает? – она скорее констатировала, чем спрашивала. Однако сделала паузу и затем продолжила: – Дом большой, а хозяева слишком занятые люди, чтобы заниматься домашним хозяйством.

Хозяин дома – Арсений Андреевич Резников, предприниматель. Елизавета, его дочь, – экономист, работает в крупном холдинге, много занимается благотворительностью. Оба часто бывают в командировках, но, когда Арсений Андреевич в городе, он часто работает здесь, в том числе и проводит совещания. Поэтому безупречное содержание дома

крайне важно и с деловой точки зрения. Его кабинет рядом с этой комнатой, которую мы называем офисом.

Я секретарь Арсения Андреевича; в мои обязанности, кроме всего прочего, входят кадровые вопросы. У него есть еще один секретарь, Константин; он обычно сопровождает Арсения Андреевича в деловых поездках, и сейчас они оба в очередной командировке. В доме на постоянной основе работают два человека: Семен Коробов и его жена Зоя Коробова. Раз в два дня приходит еще одна женщина, Мария Ивановна, готовить. Она живет в Мёдушах; а Семен и Зоя живут здесь, в домике слева от ворот, – Светлана махнула рукой по направлению к окну. – Константин бывает в усадьбе редко, он работает в городском офисе. Впрочем, в его обязанности входит отчетность по рыбной ферме, поэтому на ферме он появляется примерно раз в месяц и часто засиживается там допоздна, чтобы управиться за один приезд. Иногда, очень редко, это не получается, тогда он остается здесь ночевать – предпочитает прямо в офисе; вот тут, на диване. Но я помню только единственный такой случай. Обычно во время приезда он торчит на ферме и в усадьбе не появляется.

Зоя – на ней основная уборка в доме, – продолжала Светлана, – стирка и другие обычные домашние дела. Семен – это и сторож, и работа на участке, разъезды по делам, за покупками, мелкий ремонт в доме, и любая мужская работа. Все эти люди как бы ваши подчиненные, вы должны будете координировать и контролировать их работу. Все закуп-

ки как продуктов, так и расходных хозяйственных средств должны быть под вашим контролем и отчетностью. Арсений Андреевич периодически будет просить вас рассказать ему о том, как идет управление хозяйством, что делается, как работают люди; вам также придется отчитываться ему в расходах. Иногда он просит меня проинспектировать работу, если очень занят, но это случается редко: он любит сам быть в курсе всех своих дел.

Ну вот, кратко я вам все рассказала; а подробней об обязанностях экономки мы поговорим, если придем к соглашению. А теперь, если вы не против, я бы хотела что-нибудь узнать о вас. Почему вы откликнулись на объявление, где вы работаете или работали, где живете и так далее. Знаете ли вы, что такое резюме, или, может, у вас есть рекомендации. Пожалуйста, расскажите...

Пока она рассказывала об обязанностях экономки, я успела успокоиться и сложить в голове легенду, которая была довольно недалеко от истины, поскольку я подумывала иногда и о таком варианте моей дальнейшей жизни. Конечно, я не собиралась принимать никаких предложений о работе – но, чтобы хоть как-то прилично выглядеть в сложившейся ситуации, я, увы, должна буду поморочить голову этой милой девушке.

– Видите ли, – начала я, – я работаю очень небольшим менеджером в очень крупной компании. – Я назвала компанию. У Светланы округлились глаза:

– Да-а, – протянула она. – Вы, конечно, знаете, что такое резюме... Но зачем же, скажите на милость, вам это нужно?!

Я задумалась. Как объяснить этой молодой девушке, почему, больше всего боясь потерять работу, я должна готовиться к моменту, когда я ее потеряю... Как объяснить, что такое возрастной ценз, усталость, заботы и уже неподъемные нагрузки... И главное, как сделать, чтобы правда ужилась с той выдумкой-лапшой, которую я сейчас повешу ей на уши?

– Понимаете, мне уже несколько за пятьдесят, и я уже сильно устаю на работе. Кроме того, я живу в пригороде, а работаю на Васильевском. Три часа дороги ежедневно. Это тоже, поверьте, непросто. Мне уже пора задуматься о чем-то полегче. У меня и у самой большой дом – я знаю, как им управлять, как быстрее и экономнее его убрать, как ухаживать за садом и так далее и так далее. В радиусе двадцати километров от моего дома много таких вот загородных усадеб, хозяевам которых может понадобиться моя помощь. Вам нужна экономка на месяц – я могу взять отпуск и попробовать себя в этой должности.

– Вы, наверное, и языки знаете? – неожиданно спросила Светлана.

– Английский, – я удивилась вопросу.

– Не могли бы вы прислать мне резюме? – Светлана протянула мне визитку со своими телефонами и почтой. – Понимаете, решение все равно будет принимать Арсений Андреевич, я только должна подготовить кандидатов. Он наверня-

ка захочет побеседовать с вами, прежде чем что-то решит.

– Я понимаю. У меня пока только один вопрос: вы ничего не сказали о жене Резникова. Она не живет в доме?

– Арсений Андреевич вдовец, – просто ответила Светлана.

– Ох, простите, – я смутилась.

– Нет, что вы, законный вопрос от человека, которому предлагают присматривать за домом и прислугой. Кроме того, это было очень давно.

Мне все-таки почему-то было неловко.

– Мне пора идти, Светлана, если у вас нет больше вопросов ко мне. Буду ждать звонка, спасибо.

Светлана проводила меня до машины, открыла ворота, мы попрощались, и я уехала из Мёдушей с твердым желанием никогда сюда не возвращаться!

*

Дома я залезла в ванную – отмокать. Очень хотелось смыть с себя нелепое приключение, которое заставило меня потерять выходные. Нелепое... Действительно, нелепее не придумаешь... Мотаюсь по деревьям, что-то пытаюсь разнюхать, наврала с три короба... Нет, Голубева права: я свое дело сделала – полиции сообщила, меня не должно ничего мучать. Но ведь мучает, мучает! Каждую ночь я вижу свисающую руку женщины или, может быть, совсем молодой девушки, болтающуюся за спиной странной личности в темном. Вижу стройную женскую ногу, на которую падает снег

и не тает... Нет, я себя знаю: сколько бы я ни клялась себе никуда не лезть, как бы нелепо себя ни чувствовала, пока я не упрусь в полный тупик – непокой мне обеспечен...

Но разве я сейчас не в тупике? Что, собственно, я могу еще сделать?! Пожалуй, есть только одна ниточка – Семен Коробов. Он меня не видел, опасности для меня нет никакой. Есть еще небольшой шанс в разговоре с ним что-то узнать, почувствовать и нащупать какую-то тропу, найти какие-нибудь факты, которых окажется достаточно для Пряхи, чтобы открыть дело.

Но для этого мне надо и в самом деле устроиться работать в усадьбе. А что меня, собственно, пугает? Недавно законченный проект снял напряжение на работе, мои подчиненные заняты подчисткой хвостов – обычная практика. Это недели на две... Я вполне могу сходить в небольшой отпуск – не на месяц, конечно, но пары-тройки недель мне должно хватить, чтобы прийти к какому-то решению. Либо я найду факты для Пряхи, либо пойму, что придется смириться и сделать ничего нельзя. Действительно, почему бы мне не превратить вранье в чистую правду и не примерить шкурку фрекен Бок? Или она была няней?.. Работа, как я поняла, не обязательно ежедневная, ехать недалеко и по пустой дороге... Да еще и денег заплатят – красота! К Голубевой, наконец, съезжу – сходим куда-нибудь...

Все-таки не совсем зря я потратила выходные: я вспомнила Катеньку с бабой Аней – на душе потеплело, я улыбнулась

про себя... Хотелось бы их еще повидать. Да и сам Резников, видимо, личность незаурядная – любопытно...

Ах да! Меня же еще не взяли! Но почему-то я не сомневалась в успехе. Я обычно успешно прохожу интервью – проблемы, как правило, начинаются потом. Я вылезла из ванны. Мартин лежал на полу, сопел и поглядывал на меня, как будто ожидая моего решения.

– Что сопишь! Завтра на работу – давай спать, Мартик! Будем ждать приглашения на беседу с хозяином.

Хозяин

День прошел в обычной рабочей суете. Я отправила резюме Светлане – хотя и не понимала, как моя IT-ишная практика могла помочь им принять решение. Но на следующий день я получила вежливое приглашение приехать побеседовать с хозяином в ближайшее удобное для меня время. Мой рабочий режим позволяет мне сдвигать свой рабочий день к вечеру, поэтому после небольшой переписки мы договорились, что я приеду на следующий день с утра.

Уже рано утром я колесила в Мёдуши, ощущая нарастающее любопытство. Я не могла не признаться самой себе, что, кроме попытки найти факты, достаточные для открытия дела, меня все больше интересовала личность самого Арсения Андреевича. Услышанное от бабы Ани и несколько замечаний Светланы создали в моем представлении образ некоего благородного рыцаря, эдакой смеси Дон Кихота и Джеймса Бонда. А вдруг он еще и красавец? Вот будет потеха: Голливуд отдыхает! Но верить в киношные образы я категорически отказывалась, и мне было интересно, в чем подвох. Кроме того, это было первое собеседование в моей жизни, где меня совершенно не волновал результат, и я чувствовала себя совершенно свободно, даже несколько азартно. Вера в то, что я смогу убедить Пряху открыть дело, постепенно истощалась, и сегодня утром я почувствовала некоторое облегчение от

того груза, который давил на меня все это время. Впрочем, я еще не сдалась. Я решила не думать над этим и просто посмотреть, куда выплывет...

Я подъехала к усадьбе, меня встретила Светлана, проводила в дом и попросила минутку подождать. Я разделась, присела на удобный диванчик, обтянутый светлым плюшем, и огляделась. Оглядевшись, развеселилась: на красивой дубовой лестнице, на одной и той же ступеньке, в совершенно одинаковых позах сидели три пушистых белых кота и в упор смотрели на меня! Впрочем, из этой троицы двое, несомненно, были кошечки. Мое собственное зверье и значительное количество вылеченных и пристроенных кошастых обогатили меня достаточным опытом, чтобы не обмануться!

– Киси! – позвала я. – Подходите знакомиться!

Киси дружно мявкнули и не сдвинулись ни на шаг. Только кот сменил позу и лег задом ко мне, свесив хвост со ступеньки, но, выкрутив голову, продолжал таращиться на меня, не отрывая глаз.

– Ну и что мы мнемся? – дружелюбно продолжала я. – Вот бояки! Давайте угадаю, как вас зовут...

– Маня, Нюся и Капитан, – услышала я голос Светланы. – Они любят дрыхнуть на этом диванчике после завтрака, а вы, видите ли, место их высочеств и заняли. Зоя все ворчит на них, что волосят на плюше, но сама же их и балует бесконечно. Вас пока немного опасаются и изучают.

Кошки внезапно встрепенулись и пошли волосить куда-то

наверх.

– Проходите, пожалуйста, Арсений Андреевич вас ждет, – Светлана раскрыла передо мной дверь кабинета.

За большим рабочим столом перед установленными на нем мониторами восседал Арсений Андреевич Резников, владелец усадьбы, рыбной фермы, двух заводов и, возможно, еще чего-нибудь, что мне пока неизвестно. Филантроп, ученый и успешный предприниматель. Ага – не красавец! Уже хорошо!

«Впрочем, с “восседанием” это я переязвила», – призналась я самой себе: товарищ спокойно сидел, откинувшись, в своем кресле, но сразу встал навстречу двум входящим дамам.

– Садитесь, пожалуйста, Алиса Аркадьевна, – голос оказался неожиданно низким. – Вам чай или кофе? – обратился он ко мне.

Я выбрала кофе и уселась в предложенное мне кресло напротив стола.

– Светлана, приготовьте, пожалуйста, – обратился он к Светлане. Она кивнула и исчезла из кабинета.

Арсений Андреевич расположился напротив меня.

Раздался телефонный звонок; Арсений Андреевич бросил взгляд на смартфон, лежащий перед ним на столе, и извинился:

– Простите, нужно ответить...

Он взял телефон, встал и отошел к окну. Говорил он мало,

в основном слушал. Я воспользовалась паузой и исподтишка рассматривала хозяина. Высокий, худощавый: есть такой тип худых жилистых мужчин, они всегда остаются худыми и жилистыми независимо от наличия или отсутствия излишеств. А в данном случае еще и тренажеры явно не игнорируются товарищем. Осанка не дрябленькая, и мышцы перекатываются под тонким пуловером – но на киношного Бонда не тянет: привычка потирать лоб двумя пальцами, очки в тонкой дорогой оправе не вписываются в образ. Скорее ботаник. Деловой ботаник. Очень правильный деловой ботаник. Зануда?

Вдруг от окна послышались ответы Резникова своему собеседнику. Я не прислушивалась, да и он не повышал голоса, был внешне спокоен; но тон был сухим и жестким, фразы рублеными и какими-то весомыми. Не зануда...

Арсений Андреевич закончил разговор и сел. Либо он хорошо держал себя, либо жесткий телефонный разговор не имел для него большого значения. Никаких изменений ни в лице, ни в поведении я не заметила.

– Алиса Аркадьевна, – начал он, – меня трудно чем-то удивить – но вы меня, признаться, удивили. С таким резюме, надежная компания – и вдруг в домработницы...

– Я полагала, что все-таки в домоправительницы, – рассмеялась я.

– Да, конечно, полы мыть не надо, – улыбнулся он. – Светлана мне передала ваш разговор. Но все-таки хотелось удо-

стовериться. Очень необычное решение.

– Ну, скорее, не решение, а проба пера.

– Положим, и все-таки – вы меня простите – эта проба пера имеет еще какую-то причину.

Н-да, пронизательный мужик! Не ботаник! Сейчас поймет, что казачок-то засланный...

– По крайней мере, мне так кажется. Вы боитесь потерять работу?

– И этого тоже. Я боюсь остаться в недостроенном доме без возможности довести дело до конца. А я уже слишком много и труда, и любви вложила в него... Жалко... Кроме того, опыт управления домом тоже интересно применить... Да и устала от офисной работы... – я старалась держаться за легенду, уводя разговор от истинных причин.

– Я ценю вашу откровенность, поверьте, и уважаю ваше право на пробу пера. И мне действительно нужно кем-то заменить Ольгу Олеговну, пока она не вернется.

– Надеюсь, ничего серьезного с ее мамой?

– Просто старость; а сестра Ольги Олеговны, живущая с матерью, попала в больницу. За мамой нужно присматривать, да и сестру навещать в больнице. Такие ситуации обычно занимают некоторое время, поэтому мы с дочкой решили найти временную замену. Видите ли, мы с ней люди занятые, часто вообще отсутствуем дома. Вот и сейчас Лизонька в командировке. Дом используется и в деловых целях. И хотя основные переговоры проводятся в городском офисе, мне ино-

гда удобнее заниматься делами дома. А все решения по ферме вообще принимаются только здесь. Обустроить офис на ферме я счел нецелесообразным. А дом всегда требует внимания, как вы сами знаете. И должен быть в безупречном состоянии, потому что совещания с моими деловыми партнерами могут быть назначены в любой момент, хотя я и стараюсь заранее предупреждать Светлану. Люди, которые убирают дом и участок и заботятся о саде, не должны заниматься договорами о поставках земли и кормов для животных, приглашением ветеринаров и сантехников, оплатой счетов и тому подобными вещами. Кроме того, кто-то должен согласовывать все работы. Пока этим занимается Светлана, но у нее есть своя работа, которая в результате оказалась в запущенном состоянии. Меня это категорически не устраивает.

– Я вас понимаю. Примерно то же самое мне уже разъяснила Светлана. А вы не опасаетесь нанимать людей с улицы? Почему не воспользоваться услугами агентств... Все-таки богатый дом: не боитесь?

Арсений Андреевич рассмеялся.

– Во-первых, в доме нет ничего ценного. Богатство дома в хорошем дизайне, качественной постройке, дубовых панелях и импортных унитазах. Если не будут сдирать дубовые панели со стен и выламывать унитазаы, то серьезным ворами здесь делать нечего. А что до мелких воришек – дом на охране и в усадьбе всегда есть люди, которым я доверяю. В агентства Светлана обращалась, но найти человека на короткий

срок не так просто, присланных кандидатов было немного и все они нам, к сожалению, не подошли.

Давайте все-таки поговорим о вас. Расскажите о себе и о своей работе в качестве менеджера. Без технических деталей – они есть в резюме.

В этот момент Светлана принесла кофе и расположила чашки, поднос с печеньем и кусочками сахара перед нами.

Я не фанат кофе, но сваренный Светланой ароматный напиток оказался удивительно вкусным, о чем я ей с восторгом и сообщила.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Это мое хобби, я собираю рецепты приготовления кофе. Этот, например, я привезла из Мексики, меня научил один мачо, из придорожного кафе около...

Светлана хотела что-то добавить, но, взглянув на хозяйку, поспешно закончила разговор и вышла. Я посмотрела на Арсения Андреевича, но выражение его лица ничего мне не сказало, он все так же улыбался и с видимым удовольствием смаковал кофе. Видимо, секретарь улавливает настроение хозяйки, и даже его молчание не безмолвно для нее. Мне стало не по себе. Но, начав рассказывать о своей работе, встречах и решенных проблемах, я увлеклась и успокоилась. Арсений Андреевич слушал очень внимательно, задавал вопросы и казался заинтересованным.

Разговор продолжался не более десяти минут, когда новый телефонный звонок прервал нас. Резников, взяв трубку,

коротко ответил, что перезвонит, и обратился ко мне:

– Ну что же, Алиса Аркадьевна, я думаю, что вы нам подходите. Если вы готовы принять наше предложение, Светлана составит договор и оговорит с вами детали.

«Что же, – подумала я. – Вывело... Значит, так тому и быть. Приключение продолжается».

Продолжение приключения

По знаку зодиака я Весы. Уж не знаю, в этом ли дело, но Буриданов осел всю жизнь сидит во мне, морит голодом и умудряется оплетать меня вязкими сомнениями по любому поводу, что страшно портит мне жизнь. Любой выбор становится мукой: от выбора тряпок и унитазов до выбора, куда поехать отдыхать или с какого пункта начать бесконечный список дневных дел. Самое интересное, что на рабочем месте этот осел явно спит! Не помню случая, чтобы там мне трудно было принять решение. Почему-то в большинстве случаев на работе всегда ясно, куда идти.

Сейчас же осел торжествует! Уезжала с собеседования с почти полным пониманием, что надо довести дело до конца и принять предложение Резникова, а теперь меня опять раздрают сомнения: «ну куда я лезу», с одной стороны, и «нельзя останавливаться, пока не достигла тупика» – с другой. Пока я договорилась со Светланой, что еще подумаю не дольше пары дней и позвоню ей. И вот теперь мучительно пытаюсь принять решение. С одной стороны осла – мой страх быть раскрытой как свидетельница потрясшего меня события, там же – предстоящие новые нервные нагрузки, а мне и от текущих-то хочется куда-нибудь спрятаться. С другой стороны, даже мой осел понимает, что совесть не даст мне жизни, если я все брошу, не использовав всех возмож-

ностей для открытия дела и начала расследования.

И посоветоваться не с кем! Друзья уже свое мнение высказали очень четко, и они, конечно же, правы. Нельзя все брать на себя! Особенно в моем возрасте, с моими болячками и с моими нагрузками. После визита к Пряхе совесть должна была бы успокоиться. Но почему-то булькает, сопит и точит!

Следующие два дня прошли в муках. В итоге Светлана не дождалась моего звонка – позвонила сама. И тут, уже чувствуя себя виноватой, что подвожу людей, я быстро дала согласие, сама испугавшись в очередной раз своего решения. Но отступить уже было некуда, и, поговорив со Светланой, я быстро побежала договариваться с начальством об отпуске в две недели.

Через день с утра я колесила в Мёдуши принимать дела. Дорога была совершенно пустой, окрестные поля и редкие деревья по сторонам окутывал сырой зимний туман. Туманным было и ближайшее будущее... Мартин возлежал на заднем сиденье, предчувствуя целый день свободного гулянья.

«Ну что же, – усмехнулась я про себя, – зато решается проблема прогулок с собакой по вечерам в состоянии мерзкой усталости по крайней мере на две недели».

Ровно в восемь я подъехала к воротам усадьбы. С другой стороны ворот я увидела спешащего в мою сторону невысокого молодого мужчину, держащегося очень прямо, сопровождаемого крупной – не меньше Мартина – черной дворня-

гой, которую украшал яркий алый ошейник. Мартин тут же перепрыгнул на переднее кресло и нетерпеливо поскуливал, предвкушая новые знакомства. Подойдя к воротам, мужчина окликнул меня вопросом:

– Вы, наверное, Алиса Аркадьевна?

Получив подтверждение, он улыбнулся и приветливо поздоровался:

– Здравствуйте! Меня Светлана предупредила, но сама еще не приехала. Проезжайте.

Ворота поползли вбок.

Собаки внимательно наблюдали друг за другом. Черная дворняга – спокойно, Мартин – нетерпеливо перебирая лапами и выказывая крайнюю степень нетерпения.

Я припарковалась под навесом, рядом с хорошеньким Купером. Мерседес отсутствовал. Видимо, хозяин уже отбыл в офис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.